

РЕВОЛЮЦИЯ
КУЛЬТУРНАЯ

The logo features the word "РЕВОЛЮЦИЯ" (Revolution) in a bold, sans-serif font, tilted at an angle. Below it, the word "КУЛЬТУРНАЯ" (Cultural) is written in a similar bold, sans-serif font. The text is flanked by stylized lightning bolts, with one bolt pointing upwards and two pointing downwards, creating a dynamic and energetic visual effect.

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание
сочинений
в тринадцати томах

Редакционный совет
*П. П. Гайденко, А. А. Гусейнов,
С. В. Казачков, В. Н. Миронов,
Н. В. Мотрошилова, Т. И. Ойзерман,
В. А. Подорога, В. А. Попов,
К. А. Свасьян, Ю. В. Синеокая,
В. С. Стёпин, И. А. Эбанюидзе*

Издательство
«Культурная Революция»
Москва

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание
сочинений

Седьмой том

*Черновики
и наброски
1869–1873 гг.*

Перевод с немецкого
А.И. Жеребина

Издательство
«Культурная Революция»
Москва 2007

ББК 87.3 Герм
Н70

Перевод А.И. Жеребин
Научное редактирование В.А. Подорога
Оформление И. Бернштейн
Подготовка примечаний А.А. Карельский

Ницше, Фридрих.

Н70 Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии.— М.: Культурная революция, 2005—

Т.7: Черновики и наброски 1869–1873 гг. / Пер. с нем. А.И. Жеребина; науч. ред. В.А. Подорога.— 2007.— 720 с.— ISBN 5–250–06002–1.

Предлагаемый перевод воспроизводит все содержание рабочих тетрадей Ницше 1869–1873 гг., в том числе наброски к «Рождению трагедии» и «Несвоевременным размышлениям», прозаические и драматические опыты Ницше, его дневниковые записи времен франко-прусской войны. Выполнен по немецкому академическому изданию под редакцией Д. Колли и М. Монтинари (Kritische Studienausgabe) и включает в себя с 1-й по 31-ю группы 7-го тома этого издания.

На русском языке издается впервые.

© Культурная Революция. 2007

© В.А. Подорога. Редакция перевода, 2007

© И. Бернштейн. Оформление, 2007

Содержание

7	Черновики и наброски 1869—1873 гг.	
	1. Осень 1869	9
	2. Зима 1869—1870 — весна 1870	43
	3. Зима 1869—70 — весна 1870	55
	4. Август—сентябрь 1870	83
	5. Сентябрь 1870 — январь 1871	89
	6. Конец 1870	121
	7. Конец 1870 — апрель 1871	129
	8. Зима 1870—1871 — осень 1872	203
	9. 1871	247
	10. Начало 1871	303
	11. Февраль 1871	319
	12. Февраль 1871	325
	13. Весна—осень 1871	335
	14. Весна 1871 — начало 1872	339
	15. Июль 1871	351
	16. Лето 1871 — весна 1872	355
	17. Сентябрь—октябрь 1871	369
	18. Конец 1871 — весна 1872	373

19. Лето 1872 — начало 1873	379
20. Лето 1872	471
21. Лето 1872 — начало 1873	473
22. Сентябрь 1872	481
23. Зима 1872–1873	485
24. Зима 1872–1873	505
25. Зима 1872–1873	509
26. Весна 1873	515
27. Весна–осень 1873	531
28. Весна–осень 1873	555
29. Лето–осень 1873	561
30. Осень 1873 — зима 1873–1874	655
31. Осень 1873 — зима 1873–1874	675

681 Примечания

Черновики и наброски
1869–1873 гг.

19. Лето 1872–начало 1873

19 [1]

На подлинной высоте все сходится и становится единством — мысли философа, произведения художника и добрые дела.

Следует показать, как вся жизнь народа смутно и неверно отражает образ, очерченный его величайшими гениями: последние не есть продукт массы, но на массе лежит их отблеск.

Или каково это отношение?

От гения к гению перекинут невидимый мост — это и есть поистине реальная «история» народа, все остальное — только бесчисленные призрачные вариации на плохом материале, копии, изготовленные неумелой рукой.

Также и нравственные силы нации обнаруживают себя в ее гениях.

19 [2]

Характеристика послесократических моральных учений — все они эвдемонистичны и индивидуалистичны.

19 [3]

Дать описание мира, в котором философ и художник чувствуют себя дома.

19 [4]

Предисловие, адресованное Шопенгауэру, — врата в подземное царство — я принес в жертву тебе нескольких черных овец, на что жалуются другие овцы.

19 [5]

В великолепном мире искусства — как же они философствовали! Когда жизнь достигает совершенства, прекращается ли тогда философствование? Нет: только теперь

и начинается истинная философия. Ее суждения о *бытии говорят так много*, потому что она достигла относительной завершенности и знает обо всех эстетических покровах и иллюзиях.

19 [6]

Древние были настолько добродетельнее нас, насколько меньше они следовали моде.

Добродетельная энергия их художников!

19 [7]

Противоположность прессы — *публично высказывающей мнения* — мы публично поучаем.

Мы *озабочены бессмертием народа* — мы должны быть свободными от сиюминутных, временных забот.

Задачи нового поколения философов.

Требование самопреодоления, т.е. преодоления мирского, духа времени.

19 [8]

Характеристика Шопенгауэра: одиночество, в высшем обществе.

19 [9]

Греческие философы *преодолевали дух времени*, чтобы почувствовать в себе дух эллинства: они выражают потребность в решении вечных вопросов.

19 [10]

В мире искусства и философии человек трудится над «бессмертием интеллекта».

Воля одна бессмертна — сравнить с тем, как жалко выглядит бессмертие интеллекта, достигаемое посредством образования, обусловленное работой человеческого мозга:

Видно, как мало существенно это для природы.

Но как же может гений быть одновременно высшей целью природы!

Дальнейшая жизнь посредством истории и посредством порождения.

С этим связано платоновское рождение в красоте — т.е. для рождения гения необходимо преодоление истории, она должна утонуть в красоте и погрузиться в вечность.

Против *иконической историографии!* Она заключает в себе тенденцию к варварству.

Ее предметом должно быть только великое и единственное, образец.

Этим обозначена задача нового философского поколения.

Никто из великих греков эпохи трагедии не имел в себе ничего от историка: — — —

19 [11]

Инстинкт познания, не производящего *отбор*, равен невыбирающему половому инстинкту — признак *пошлости*.

19 [12]

Задача философа — сознательно бороться со всем, что обусловлено временем, и потому поддерживать бессознательную задачу искусства.

В том и в другом народ достигает единства всех своих свойств и высшей красоты.

Современная задача науки.

19 [13]

Философ трагической эпохи.

Философ не есть исключение, стоящее в стороне от народа: воля и к нему предъявляет свои требования. Цель та же, как и в случае с искусством, — ее собственное просветление и избавление. Воля *стремится к чистоте и благородству*, поднимаясь с одной ступени на другую.

Бытие в форме образования и культуры — воля в человеческих головах.

19 [14]

Ограниченный инстинкт познания.

Семеро мудрецов — эпико-аполлиническая ступень философии.

19 [15]

Влечения, отличающие греков от других народов, находят выражение в их философии.

Но это и есть их *классические* влечения.

Важна их манера обращаться с историей.

Постепенное вырождение понятия об истории в древности — разложение и переход в любопытствующее всезнайство.

19 [16]

Задача: Понять *телеологию* философского гения. Действительно ли он всего лишь случайно являющийся странник? Во всяком случае он, если речь и правда идет о гении, не имеет ничего общего со случайным политическим положением народа; относительно своего народа он *безвременен*. Но именно потому связь его с этим народом не случайна — специфическое народа проявляется здесь в индивидуальной форме, а значит, народный инстинкт получает свое объяснение как *инстинкт мировой*, используется для решения мировой загадки. Природе вдруг удастся посредством *отделения* прийти к чистому созерцанию своих инстинктов. Философ есть средство найти точку покоя в безостановочном потоке, презреть бесконечное множество и осознать вечные типы.

19 [17]

Философ есть самораскрытие мастерских природы — философ и художник говорят о тайнах мастерства природы.

Над суетой исторической смены времен, по ту сторону необходимости, находится сфера философа и художника.

Философ как *тормозное устройство в механизме времени*.

Философ появляется, когда настает время опасности. Когда колесо истории набирает скорость, философия и искусство занимают место исчезающего мифа. Но они далеко опережают свое время, потому что внимание современников обращается на них только медленно и постепенно.

Народ, который осознает грозящие ему опасности, порождает гения.

19 [18]

Свобода от мифа. Фалес. **Один элемент как Протей!**
 Трагизм бытия. Анаксимандр.
 Эстетическая игра космоса. Гераклит.
 Вечная логика. Парменид. Словесное сражение.
 Жалость ко всему живущему. Эмпедокл. Раб.
 Число и мера. Пифагор. Демокрит.
 (Состязание. Гераклит.)
 (Любовь и образование. Сократ.)
*νοῦς*¹ мельчайшее предположение. Анаксагор.

19 [19]

Мы терпим не каждого, кто навязывает нам свою философию, напр. мы не терпим Давида Штрауса, который становится совсем беспомощным, как только выходит за пределы своей исторической критики.

19 [20]

По Сократу, всеобщее благоденствие уже не восстановишь, отсюда индивидуалистическая этика, стремящаяся спасти *одинок*.

19 [21]

Безграничный, неизбирательный инстинкт познания, с историческим фоном — знак того, что жизнь состарилась: велика опасность, что индивиды станут *плохими*. Во избежание этого их интересы насильно приковываются к объектам познания, все равно к каким. Всеобщие инстинкты ослабли и уже не держат больше личность в узде.

Германцы все свои ограничения облагородили с помощью науки, переключив их в другой план: верность, скромность, самоограничение, трудолюбие, аккуратность, любовь к порядку — таковы семейные добродетели. Но также и бесформенность, вся безжизненность жизни, мелочность — его безграничный инстинкт познания есть следствие его обедненной жизни: не будь этого инстинкта, он был бы мелким и злобным, каковым часто и является.

---

1 Ум (*греч.*).

Ныне нам дана высшая форма жизни, художественная основа,—ныне нас ожидает и ближайшее следствие этого — избирательный инстинкт познания, т.е. *философия*.

Ужасная опасность: что политическая суета американцев и безудержная культура ученых сольются воедино.

19 [22]

При наличии избирательного инстинкта познания *красота* вновь выступает как сила.

В высшей степени удивительно, что Шопенгауэр пишет *прекрасно!* В его жизни также больше стиля, чем у обычного университетского профессора,—но какое вялое окружение!

Нынче никто больше не знает, как выглядит хорошая книга, это надо показывать: они не понимают, что такое композиция. А пресса к тому же все больше портит вкус.

Суметь сохранить возвышенное!

19 [23]

В борьбе против иконической историографии и против естествознания нужны значительные силы *искусства*.

Какова задача философа? Посреди муравьиной суеты напоминать о проблеме бытия, вообще о вечных проблемах.

Философ должен *распознавать*, в чем есть необходимость, художник должен это *создавать*. Философ должен сильнее других чувствовать всеобщую боль, подобно греческим философам, каждый из которых выражал какую-либо нужду. И там, где есть лагуна, недостаток, он строил свою систему. Встраивал свой мир в этот пробел.

Нужно сконцентрировать все средства, которые позволили бы спасти человека, дав ему спокойствие: в условиях отмирающих религий!

Следует прояснить различие в воздействии философии и науки, а также в их возникновении.

19 [24]

Речь идет не об уничтожении науки, но о *господстве* над нею. Ведь она со всеми ее целями и методами всецело зависит от философских воззрений, хотя и *легко об этом*

забывает. Господствующей философии надлежит также задуматься над проблемой того, до какой степени допустимо развитие науки: она должна определить **ценность!**

19 [25]

Свидетельство *варваризирующего* влияния наук. Они легко теряют себя на службе «практических интересов».

19 [26]

Ценность Шопенгауэра в том, что он заставляет вспомнить о *наивных общих* истинах: он осмеливается красиво выразить так называемые «трюизмы».

У нас отсутствует благородная популярная философия, ибо нет достойного понятия о *peuple publicum*¹. Наша популярная философия предназначена для *peuple*², но не для *Publicum*.

19 [27]

Если нам предстоит еще достичь культуры, то нужны могучие силы искусства, чтобы сломить инстинкт безграничного познания, чтобы заново создать единство. *В этом заключается высшее достоинство философа, в том, что он доводит до концентрации безграничный инстинкт познания, принуждает его к единству.*

Так следует понимать древнейших греческих философов, которые укрощали познавательный инстинкт. Как случилось, что после Сократа он вырвался на волю? Первоначально мы наблюдаем эту тенденцию даже у *Сократа и его школы*: инстинкт ограничивается *индивидуальным* стремлением к *счастливой жизни*. Это последняя низшая фаза. Ранее речь шла не об *индивидах*, а об *элинах*.

19 [28]

Великие древние философы участвуют во *всеобщей эллинской жизни*: после Сократа образуются *секты*. Философия постепенно выпускает из рук поводья, с помощью которых она правила наукой.

1 Гражданах (*фр.-лат.*).

2 Народа (*фр.*).

В средние века эти поводы берет в свои руки теология: нынче — опасная эпоха эмансипации.

Всеобщее благоденствие снова требует *обуздания* науки, а тем самым одновременно возвышения и концентрации.

*Prinzip laissez*¹ *во всех наших науках*, как и в известных *национально-экономических теориях*: вера в безусловно спасительный успех.

Кант способствовал в определенном смысле утверждению вредной тенденции: ибо вера в метафизику была утрачена. Никто больше не может рассчитывать на «вещь в себе», видя в ней обуздывающее начало.

Отсюда понятным становится удивительное явление *Шопенгауэра*: он собирает воедино все элементы, которые еще пригодны для установления господства над наукой. Он приходит к глубочайшим проблемам этики и искусства, выдвигает вопрос о ценности бытия.

Удивительное единство Вагнера и Шопенгауэра! Они происходят из одного влечения. Глубочайшие свойства германского духа вводятся тут в сражение: как у греков. Возвращается *ясность* мышления.

19 [29]

Изображение нарастающей опасности секуляризации в 6-м и 5-м веках: богатство колоний, роскошь, чувственность.

19 [30]

Проблема: *подобрать культуру к нашей музыке!*

19 [31]

Следует обрисовать метод, как должен *жить* человек-философ.

19 [32]

К характеристике нашей поверхностной культуры: Давид Штраус, наш театр, наши поэты, наша критика, наши школы.

---

1 Невмешательства (*фр.*).

19 [33]

Моя задача: осмыслить *внутреннюю связь и необходимость каждой истинной культуры*. Средства защиты и исцеления культуры, отношение ее к народному гению. Следствие всякого великого художественного мира есть культура: но часто, в силу враждебных контртенденций, этого завершения художественного произведения не происходит.

Философия должна пронести *возвышенность духа* через века: отсюда вечная плодотворность всего великого.

Для науки не существует великого и малого — но зато для философии! Каждое положение есть оценка науки.

Сохранение возвышенного!

Как недостает в наши дни книг, дышащих героизмом! Даже Плутарха больше не читают!

19 [34]

Кант говорит (2-е предисловие к «Критике»): «я был *вынужден устранить знание, чтобы освободить место вере*, и догматизм метафизики, т.е. предрассудок, будто бы в ее области можно продвигаться далее без критики чистого разума, есть истинный источник всякого противящегося морали неверия, которое всегда слишком догматично». Очень важно! Его толкала культурная потребность!

Странное противопоставление: «*знание и вера*!» Что подумали бы об этом греки! Кант *не знал другого противоречия! Но знаем мы!*

Культурная потребность толкала Канта: он хотел *спасти от знания* одну область: в ней коренится все самое возвышенное и глубокое, искусство и этика — Шопенгауэр.

С другой стороны, он копил все, *что достойно знания на все времена*, — этическую мудрость народов и человечества (точка зрения семи мудрецов, греческих популярных философов).

Он разлагает веру на элементы и показывает, как мало именно христианская вера удовлетворяет глубочайшим потребностям: вопрос о достоинстве существования!

Борьба знания со знанием!

Шопенгауэр сам обращает наше внимание на *неосознанное мышление и знание*.

Обуздание познавательного инстинкта — на пользу ли это религии? Или — художественной культуре, вот что должно теперь выясниться; я — на стороне второго.

К этому я добавлю вопрос о **ценности исторического иконического познания** и также *природы*.

У греков — это обуздание во имя художественной культуры (и религии?), обуздание, которое стремится *предотвратить* полную свободу: мы же хотим заново обуздать то, что полностью пущено на волю.

19 [35]

Философ трагического познания. Он укрощает отпущенный на свободу познавательный инстинкт, но не посредством метафизики. Он не провозглашает новую веру. Его сознание *трагично оттого, что метафизика лишается почвы*, и он не может удовлетвориться пестрым хороводом наук. Он строит новую жизнь: искусству он возвращает его права.

Философ отчаявшегося познания исчерпывает себя в слепой вере в науку: знание любой ценой.

Для трагического философа тот факт, что метафизическое является только как антропоморфное, завершает картину бытия. Он не скептик.

Понятие здесь должно быть *созвонено*: ибо скепсис не есть цель. Влечение к знанию, дойдя до своей границы, обращается против самого себя, чтобы теперь перейти к *критике знания*. Познание на службе лучшей жизни.

Ты сам должен *желать иллюзии* — в этом трагическое.

19 [36]

Последний философ — таковым могут быть целые поколения. Он должен только помочь обратиться к *жизни*. «Последний» он, естественно, в относительном смысле. Для нашего мира. Он доказывает необходимость иллюзии, искусства и искусства, овладевающего жизнью. Мы не в состоянии вновь создать такой ряд философов, какой создала Греция трагической эпохи. Их задачу выполняет теперь *искусство и только искусство*. Только в качестве *искусства* возможна теперь система. С нынешней точки зрения к области искусства относится и весь тот период греческой философии.

Обуздание науки осуществляется ныне только посредством искусства. Речь идет об оценочных суждениях от-носительно знания и большого знания.

Колоссальная задача и достоинство искусства определяются этой задачей! Оно должно все создать заново и в *полном одиночестве вновь породить жизнь!* Что оно может, показывают нам греки: если бы их у нас не было, наша вера была бы химерой.

Сможет ли найти здесь место религия, вписаться в вакуум, зависит от того, насколько она сильна. Мы повернулись лицом к *культуре*: «германское» как *освободительная сила!*

Во всяком случае религия, которая смогла бы это, должна обладать колоссальной *силой любви*. Тогда от столкновения с нею разрушится и знание, как разрушается оно от языка искусства.

Но, быть может, искусство может создать даже свою религию, родить миф? Так это у греков.

19 [37]

Философские и теологические учения, ныне *разрушенные*, все еще продолжают влиять на науки: пусть корни умерли, ветви еще какое-то время продолжают жить. *Историческое* получило широкое распространение, особенно как контрсила, направленная против теологического мифа и против философии: *абсолютное познание* празднует здесь и в математическом естествознании свои сатурналии. Самое малое из того, что может быть здесь действительно *выяснено*, ставится выше, чем все метафизические идеи. Степень *надежности* определяет здесь ценность, а вовсе не степень *насуточной необходимости* для человека. Это старая борьба между *верой и знанием*.

Таковы эти варварские односторонности.

Теперь философия способна подчеркивать лишь *относительность* всякого знания и его *антропоморфность*. Всюду господствующая сила *иллюзии*. Она не может более воспрепятствовать этому вырвавшемуся на волю познавательному инстинкту, который все больше *судит* по степени надежности и ищет себе все менее значительные объекты. Если каждый человек доволен тем, что день прожит, то ис-

торик ищет, докапывается до этого дня и восстанавливает в мыслях все, что с ним связано, чтобы вырвать его из забвения. *Малое* также достойно вечности, *ибо оно познаваемо.*

Для нас значение имеет только эстетический масштаб: *великое* имеет право на историю, но не на иконическую, а на *продуктивную, пробуждающую историческую живопись*. Мы не хотим разорять *могил*: но вступаем во владение вечно живущим.

Излюбленная тема времени: *большие последствия мельчайших событий*. Исторические раскопки заключают в себе, напр., нечто грандиозное: это как чахлая растительность, постепенно разрушающая Альпы. Мы видим великий инстинкт, пользующийся маленькими инструментами, но имеющий их в своем распоряжении великое множество.

На это можно было бы возразить: *мелкие последствия великого!* А именно, когда оно представлено индивидами. Трудно понять, напр., когда традиция отмирает, а все испытывают к ней ненависть, его ценность основана на качестве, которое всегда ценится немногими.

Великое оказывает воздействие только на великое: как факельная эстафета в «Агамемноне» движется только от вершины к вершине. Такова великая задача *культуры*— чтобы великое в народе не оказалось в положении ни отшельника, ни изгнанника.

Вот почему мы хотим говорить о том, что мы чувствуем: не наше дело ждать, пока бледный отсвет того, что светит так ярко, проникнет и в долины. Дело в том, что в конце концов большие последствия мельчайших событий выступают именно как последствия *великих*; они приводят в движение лавины. И вот мы силимся сдержать их.

19 [38]

Историзм и естествознание были необходимы как средства против средневековья: знание против веры. Теперь мы направляем против знания *искусство*: возвращение к жизни! Обуздание познавательного инстинкта! Укрепление инстинктов морального и эстетического!

Это представляется нам *спасением немецкого духа для того, чтобы он снова стал спасителем!*

Сущность этого духа раскрылась нам в *музыке*. Теперь мы понимаем, как *греки* поставили свою культуру в зависимость от музыки.

19 [39]

Создание религии заключается, видимо, в том, что кто-то, воздвигнувший в вакууме здание своего мифа, умеет *пробудить* в него *веру*, т.е. миф начинает соответствовать острой потребности.

Невероятно, что это может произойти когда-нибудь еще раз, после «Критики чистого разума».

Зато я могу представить себе совершенно новый род *философа-художника*, который встраивает в пробел *произведение искусства*, обладающее эстетической ценностью.

Способность быть добрым и сострадательным не зависит, к счастью, от крушения или процветания той или иной религии: но *добрые дела* весьма сильно определяются религиозными императивами. Подавляющее большинство добрых, отвечающих долгу действий не имеют этической ценности, будучи *вынужденными*.

Практическая моральность очень страдает от крушения религии. Обойтись без карающей и вознаграждающей метафизики, кажется, невозможно.

Если бы можно было создать нравственный *обычай*, сильный нравственный *обычай*! Тогда появилась бы и нравственность.

Обычай формируется, однако, *опережающим примером отдельной сильной личности*.

На пробуждение *добродетели* в массе имущих я не рассчитываю, но привить им *обычай* очень даже возможно, чувство долга по отношению к традиции.

Если бы все то, что человечество тратило донныне на строительство церквей, направить на воспитание и школы, а интеллект не на теологию, а на воспитание.

19 [40]

Творческая фантазия, которая определяла отношение греков к их богам.

Мы слишком приучены к противоречию исторической правды и неправды. Смешно, что христианские мифы непременно должны быть *историческими*.

19 [41]

Проблема *культуры* редко осмысливается правильно. Ее цель — не максимально возможное *счастье* народа и не свободное развитие *всех* его дарований: нет, она проявляется в правильной *пропорции*, в которой эти дарования развиваются. Ее цель выходит за рамки земного счастья: создание великих творений — вот ее цель.

Во всех греческих инстинктах обнаруживает себя *обуздывающее единство*: назовем его эллинской *волей*. Каждый инстинкт пытается продлить свое существование в бесконечность. Древние философы пытались сконструировать из них мир.

Культура народа обнаруживает себя в *приводящем к единству обуздании его инстинктов*: философия обуздывает инстинкт познания, искусство — инстинкт формы и экстаз, *ἀγάπη*¹ обуздывает *ἔρως*² и т.д.

Познание *изолирует*: древнейшие философы представляют в изоляции то, что греческое искусство являет нам в единстве.

Содержание искусства и древней философии совпадает, но философия пользуется *изолированными* компонентами искусства, чтобы *обуздать познавательный инстинкт*. Это должно быть видно также и у итальянцев: индивидуализм в жизни и в искусстве.

19 [42]

Греки как первооткрыватели, путешественники, колонизаторы. Они умеют *учиться*: исключительная способность к усвоению. Наше время напрасно думает, что инстинкт знания так сильно возвышает нас над древними: но только у греков все становилось *жизнью!* У нас все остается знанием!

19 [43]

Когда думаешь о ценности знания, а, с другой стороны, о том, что прекрасная иллюзия, поскольку в нее верят, обладает точно такой же ценностью, как и знание, то ста-

---

1 Любовь-дружба (*греч.*).

2 Любовь-страсть (*греч.*).

новится очевидным, что жизнь нуждается в иллюзиях, т.е. в неистинном, принимаемом за истинное. Она требует веры в истину, но потом оказывается достаточно иллюзии. «Истины» утверждают себя через их воздействие не логическими доказательствами, а доказательствами силы. Истинное и действительное считаются тождественным, и здесь также мы гибнем перед силой. Но отчего же тогда логическое доказательство истины вообще имеет место? В *борьбе, которую «истина» ведет против «истины»*, они ищут союза рефлексии. *Всякое действительное стремление к истине вошло в мир посредством борьбы за святое убеждение, через πάθος¹ борца; иначе у человека нет интереса к логическим основаниям.*

19 [44]

Надобно определить цель, телеологию философов в культуре.

Мы вопрошаем греков того времени, когда их культура обладала единством.

Важно: включает ли и богатейшая из культур философия, зачем?

Мы вопрошаем великих философов. Ах, они погибли! Как легкомысленно поступает природа!

19 [45]

В каком отношении гений философии стоит к искусству? Из прямого отношения мало чему научишься. Мы должны поставить вопрос: что в его философии есть искусство? Произведение искусства? Что *остается* после того, как его научная система будет уничтожена временем? Именно этот остаток должен быть тем, что *обуздывает* познавательный инстинкт, художественное в нем. Почему необходимо такое обуздание? Потому что с научной точки зрения это иллюзия, неправда, которая обманывает инстинкт познания и удовлетворяет его лишь ненадолго. Ценность философии с ее обуздывающей способностью заключена не в сфере познания, а в сфере жизни: *воля к существованию пользуется философией* во имя высшей формы существования.

---

1 Стрость (греч.).

Искусство и философия не могут быть направлены *против* воли: но мораль также состоит у нее на службе. Всевластие *воли*. Одна из утонченнейших форм существования — относительная нирвана.

19 [46]

Обо всем надо говорить с максимально возможной определенностью, и любой термин, в том числе термин «воля», оставлять в стороне.

19 [47]

Красота и величественность мировой конструкции (*alias*¹ философии) имеет теперь решающее значение для определения ее ценности — т.е. она оценивается как *искусство*. Форма ее, возможно, изменится! Застывшая математическая формула (как у Спинозы), которая производила на Гете такое волнующее впечатление, оправданна именно только как эстетическое выразительное средство.

19 [48]

Следует принять положение: мы живем только благодаря иллюзиям — наше сознание остается на поверхности. Многое скрыто от наших глаз. Не следует опасаться того, что человек познает себя *полностью*, что в каждый момент времени он вместит в свое сознание все законы тяготения, механики, все формулы архитектуры, химии, которые нужны ему для жизни. Но вполне возможно, что с помощью *схемы* все будет познано. Для нашей жизни это почти ничего не меняет. К тому же все это только формулы абсолютно непостижимых сил.

19 [49]

Вследствие поверхностности нашего интеллекта мы живем только в царстве непрерывной иллюзии: т.е. каждое мгновение мы, чтобы жить, нуждаемся в искусстве. Наше зрение привязывает нас к *формам*. Но поскольку мы сами воспитали в себе способность такого видения, мы видим, как в нас самих царит *сила искусства*. Следовательно

---

1 Иначе говоря (*лат.*).

но, в самой природе мы видим механизм, сопротивляющийся абсолютному знанию: философ **познает язык природы и говорит**: «мы нуждаемся в искусстве» и «мы нуждаемся только в частичном знании».

19 [50]

Культура любого рода начинается с того, что множество вещей *утаивается*. Прогресс человечества связан с этим утаиванием – жизнь в сфере чистоты и благородства и окончание действия вульгарных побуждений. Борьба, которую добродетель ведет против «чувственности», имеет принципиально эстетический характер. Когда мы относимся к *великим* людям как к нашим путеводным звездам, мы многое в них замечаем, мы даже скрываем все те обстоятельства и случайности, которые обусловили их появление, мы их для себя *изолируем*, чтобы иметь возможность их чтить. Любая религия содержит такой элемент: люди под божьим покровительством – как нечто бесконечно ценное. Да, вся этика начинается с того, что мы принимаем *очень всерьез* отдельную индивидуальность – иначе, чем это делает природа, ведущая свою жестокую игру. Если мы лучше и благороднее, то мы обязаны этим изолирующим иллюзиям!

И вот естественные науки противопоставляют этому абсолютную истину природы: правда, высший тип психологии уже понимает, какова роль художественных сил в нашем становлении, и в становлении не только человека, но и животного: она говорит нам, что вместе с *органическим* начинается и *эстетическое*.

19 [51]

Следствия кантовского учения. Конец метафизики как науки.

Варварское воздействие знания.

Укращение знания как художественный инстинкт.

Мы *живем* только благодаря эстетическим иллюзиям.

Всякая высшая культура является таковой только благодаря этому укращению.

Философские системы древнейших греков.

В них открывается тот же мир, который создал трагедию.

Здесь мы постигаем единство философии и искусства, заключаемое с целью создания культуры.

Эстетическое понятие великого и возвышенного: воспитание этого — вот задача. Культура зависит от способа, каким определяется «великое».

19 [52]

Абсолютное знание ведет к *пессимизму*: искусство и лекарство против него.

Философия необходима для *образования*, так как она *втягивает знание* в художественную концепцию мироздания и этим его облагораживает.

19 [53]

Забота о том, чтобы вечное творение попало к людям и не погибло, всецело определила **Шопенгауэра**: он знал судьбу Гераклита, и первый тираж его книги был уничтожен! Он был заботлив как отец: все неприятные черты его характера, обхождение с литераторами вроде Фрауэнштедта объясняются этим. Стремление к славе есть тут заботливый инстинкт, действующий во благо человечества: он знал жизнь.

Наверное, можно представить себе и большую возвышенность над человечеством: но тогда он бы не писал! Он тосковал по продолжающемуся рождению в красоте.

19 [54]

Химические превращения в неорганической природе представляют собой, возможно, также и художественные процессы, которые можно было бы назвать мимическими ролями, играющими какую-либо силу: но имеется *несколько сил*, роли которых они могут играть.

19 [55]

Тому, кто желал бы испытывать при этом только удовлетворение *ученого*, я затруднил задачу, поскольку совершенно на такого читателя не рассчитывал. Отсутствуют цитаты.

19 [56]

С собственностью на мудрые мысли в эпоху семи мудрецов обстояло неважно, но очень важно, что в какой-то момент некто аннексировал то или иное изречение.

19 [57]

Хронология греческих философов.

Ритм.

«Хоэфоры».

19 [58]

Филологи нашего времени оказались недостойны того, чтобы иметь право зачислить мою книгу по своему ведомству. Едва ли требуются заверения в том, что я и в этом случае предоставляю им право выбирать самим, желают ли они чему-нибудь научиться, или нет, но сам не чувствую желания каким-либо образом идти им навстречу.

Пусть те, кто называют себя «филологами» и кого я намеренно называю лишь этим нейтральным словом, и в этот раз не обратят внимания на мою книгу: ибо природа ее мужская и не подходит кастратам. Им больше подобает сидеть за ткацким станком конъектур.

19 [59]

О *Διαδοχαί*¹ и их происхождении (в истории древнейшей философии).

Аполлодор с нею борется: кто ее выдвинул?

19 [60]

Возникновение философских сект в Древней Греции.

В результате глубочайшего переворота в эллинском духе.

Начало у пифагорейцев, учеником которых был *Платон*.

Академия намечает *тип*. Это формы организации, направленные против эллинской жизни.

Ранние философы представляют собой изолированные варианты отдельных инстинктов эллинской сущности.

---

1 Преемниках (*греч.*).

Мы переживаем переход философского сектантства в культурное сознание, *переход философии в культуру*. Философия и культура *расходятся*.

Поверхностность всей послесократической этики! Глубокая эллинская этика древности не позволяла формулировать себя в словах и понятиях.

19 [61]

Гераклит в ненависти своей против дионисийства, против Пифагора и против многознания. Он — аполлинический продукт и говорит как оракул, смысл изречений которого надобно толковать себе и ему. Он не чувствует страдания, но чувствует глупость.

19 [62]

Большие сомнения в том, что есть философия, — искусство или наука.

В своих целях и результатах она искусство. Но средства, представление понятий у нее общие с наукой. Это форма поэтического искусства. Она не может быть рубрицирована: вот почему мы должны придумать для нее специальное определение и характеризовать ее соответственно.

Философское описание природы. Философ познает, сочиняя поэзию, и создает поэзию, познавая.

Он не развивается, я хочу сказать, философия не проходит того же процесса, что другие науки. Хотя некоторые разделы философии и переходят постепенно в руки науки. Гераклит никогда не устареет. Это поэзия за пределами опыта, продолжение *мифического инстинкта*; и в большой степени образная. Математическое описание не относится к сущности философии.

Преодоление знания *мифообразующими силами*. Примечателен Кант — знание и вера! Глубочайшее родство *философа и основателя религии!*

19 [63]

Странная проблема: самопоглощение философских систем! Неслыханно в науке, как и в искусстве! *Подобным образом обстоит дело с религиями; это примечательно и показательно.*

19 [64]

Иллюзия необходима для чувствующего существа, чтобы жить.

Иллюзия необходима, чтобы идти вперед в культуре.

Чего хочет ненасытный инстинкт познания?

Во всяком случае, он враждебен культуре.

Философия старается его обуздать; как средство культуры.

Древнейшие философы.

19 [65]

Писать крайне безлично и холодно. Без «Я» и «Мы».

19 [66]

Наш рассудок — сила, действующая на плоскости, *поверхностная*. Ее называют «субъективной». Он познает посредством *понятий*: т.е. наше мышление есть рубрицирование, раздача наименований. Значит, нечто сводящееся к произволу людей и не относящееся к самим вещам. Абсолютное познание дано человеку, только когда он *вычисляет* и только в формах пространства. Иначе говоря, последняя граница всего познаваемого — это *количество*, он не *понимает* качества, только количество.

Что может быть целью такой поверхностной силы?

Понятию соответствует вначале образ, образы — это формы первоначального мышления, т.е. поверхности вещей в зеркале глаза.

Образ — это одно, *арифметический пример* — другое.

Образы в глазах человека! Это определяет всю человеческую сущность: с точки зрения *глаза*! Субъект! Ухо слышит звучание! Совсем другая чудесная концепция того же самого мира.

На *неточности зрения* покоится *искусство*. Слух также предполагает неточность ритма, температуры и т.д.; на этом опять же основывается *искусство*.

19 [67]

В нас имеется сила, способная интенсивнее воспринимать *общие* очертания зеркального отражения, и еще одна сила, также отмечающая одинаковый ритм, несмот-

ря на его реальную неточность. Такова должна быть *сила искусства*, ибо она *творит*. Ее главное средство в том, чтобы *делать пропуски, недосмотреть, недослышать*. Следовательно, она антинаучна: ибо она не проявляет ко всему воспринятому одинакового интереса.

Слово заключает в себе только образ, отсюда понятие. Мысль производит вычисления с величинами искусства.

Всякая рубрикация есть попытка прийти к образу.

Ко всякому истинному *бытию* мы относимся поверхностно, мы говорим на языке символов, образов. Затем мы кое-что прибавляем, силою искусства, подчеркивая главное, забывая второстепенное.

19 [68]

Апология искусства.

Фалес давно устарел—но художник, стоя у водопада, не может не отдать ему должное.

19 [69]

Наша публичная, государственная и социальная жизнь сводится к уравниванию эгоизмов: решению вопроса о том, как добиться терпимого существования, не тратя никакой силы любви, только с помощью ума эгоистических участников.

Наше время питает ненависть к искусству, как и к религии. Оно не желает удовлетвориться ни отсылкой к потустороннему миру, ни надеждой на просветленность мира искусства. Оно считает это бесполезной «поэзией», шуткой и т.д. Наши «поэты» *соответствуют*. Но искусство ужасающе серьезно! Новая метафизика ужасающе серьезна! Мы так обставим ваш мир образами, что вам станет страшно. Это в наших руках! Заткните себе уши, ваши глаза увидят наш миф. Наши проклятия падут на вас!

Наука должна теперь доказать свою полезность! Она стала кормилицей, в услужении у эгоизма. Государство и общество приняли ее на службу, чтобы использовать в *своих* интересах.

Нормальное состояние—это *война: миф* мы заключаем только на время.

19 [70]

Мне нужно знать, как философствовали греки во времена расцвета их искусства. *Сократические* школы размещались в море прекрасного — какой отпечаток это на них накладывает? Искусству уделяется колоссальное внимание. Однако сократики относятся к нему либо враждебно, либо теоретически.

Напротив, у более древних философов господствует отчасти тот же инстинкт, который создал трагедию.

19 [71]

Понятие философа и типы.

Что является общим для всех?

Он либо порождение своей культуры, либо ей враждебен.

Он созерцателен как художник, работающий в области изобразительного искусства, чувствителен, как верующий, каузален, как человек науки: он старается, чтобы в нем нашли отзвук все звуки мира, и хочет выразить их слитное звучание в понятиях. *Порыв к макрокосму* и при этом *разумное наблюдение* — как актер или драматург, который преобразуется, сохраняя при этом разум, чтобы проецировать себя вовне.

Диалектическое мышление обрушивается на него, как струя воды при обливании.

Примечателен Платон: энтузиаст диалектики, т.е. все той же разумности.

19 [72]

Философы. Описание природы у философов.

Философ наряду с человеком науки и художником.

Обуздание познавательного инстинкта с помощью искусства,
религиозного стремления к единству —
с помощью понятия.

Странное соседство концепции и абстракции.

Значение для культуры.

Метафизика как вакуум.

19 [73]

Философ будущего? Он должен стать верховным трибуналом художественной культуры, одновременно и органами безопасности против всех эксцессов.

19 [74]

Не станем же мы все рубрицировать, все общие понятия называть «философскими». Так же как все бессознательное и интуитивное. Даже филологические конъектуры не исключают творчества, которое не вполне укладывается в сознательное мышление.

19 [75]

Философское мышление чувствуется повсюду в мышлении научном: даже при конъектурах. Оно вырывается вперед на подвижных опорах. За спиной у него кряхтит неуклюжий рассудок и ищет более устойчивых опор, чтобы догнать явившийся ему волшебный образ. Стремительный полет через большие пространства! Только ли это большая скорость? Нет. То крылья фантазии, т.е. перелет с одной возможности на другую, которые временно принимаются за нечто действительное. Туда — сюда, от возможности к действительности и снова к возможности.

Но что есть такая возможность? Озарение, напр. «могло бы быть так...». Но как *приходит* озарение? Порой случайно, внешним образом: совершается сопоставление, открытие какой-нибудь аналогии. Тут происходит *расширение*. Фантазия заключается в *быстром видении подобного*. Рефлексия соотносит затем понятие с понятием и проверяет. *Подобие* должно смениться *каузальностью*.

Неужели «научное» мышление и «философское» различаются только «дозой» или, может быть, *областью* применения?

19 [76]

Не существует *философии, отделенной от науки: и там, и тут думают одинаково*. То, что *бездоказательное* философствование имеет все же ценность, и, как правило, большую, чем научное положение, объясняется эстетической *ценностью* такого философствования, — его красотой и возвышенностью. Оно еще продолжает существовать как *произведение*

искусства и тогда, когда утрачивает значение как научное построение. Но разве в делах науки не так же?

Другими словами: решает не чистый *познавательный инстинкт*, а *эстетический*. Малодоказательная философия Гераклита имеет большую художественную ценность, чем все положения Аристотеля.

Следовательно, инстинкт познания обуздывается в культуре народа фантазией. При этом философ преисполнен высшего *нафоса истинь*; *ценность* его знания обеспечивает его *истинность*. Все *плодотворное*, вся движущая сила заключена в этих *предвосхищающих* взглядах.

19 [77]

Создание фантазии можно наблюдать глазом. Подобие ведет к самым дерзким выводам, но и к совсем другим отношениям, контраст вызывает контраст, и так непрерывно. Здесь *видно*, как исключительно велика продуктивность интеллекта. Это жизнь образов.

19 [78]

Когда мыслишь, надо уже владеть тем, что ищешь, владеть благодаря фантазии — только тогда рефлексия может судить об этом. Она делает это, включая новое в цепочку привычного и уже испытанного.

Что, собственно, является «логическим» в образном мышлении?

Это, во всяком случае, нечто *художественное*, создание форм, которые пробуждают память и провоцируют озарение: *данная форма выталкивает наружу* воспоминание и тем усиливает. Мышление есть выталкивание наружу.

В мозгу намного больше образных рядов, чем это нужно для мышления: интеллект быстро отбирает подобные образы, отобранное снова творит множество образов, и вновь из них быстро что-то отбирается и т.д.

Сознательное мышление есть только акт выбора представлений, таков долгий путь к абстракции.

1) сила, порождающая множество образов; 2) сила, отбирающая сходное и его выделяющая.

Больной, лежащий в жару, поступает так, разглядывая стены и обои, но только здоровые проецируют вместе с рисунком и обои.

19 [79]

Художественная сила обнаруживает себя двояко — как производящая образы и как их отбирающая.

Мир сновидений доказывает правильность этого: человек не движется здесь дальше к абстракции или он не руководствуется теми образами, которые воспринимает глазом, и изменяется под их воздействием.

Присматриваясь к этим силам внимательнее, видишь, что здесь отсутствует художественное, совершенно свободное творчество нового: это было бы чем-то произвольным, а значит, невозможным. Скорее, это тончайшие излучения нервной деятельности, видимые на плоскости, они соотнесены как звуковые фигуры Хладни с самим звуком. Так и эти образы относятся к порождающей их нервной деятельности. Нежнейшее парение и дрожание! Художественный процесс психологически абсолютно определен и необходим. Всякое мышление является на поверхности как произвол, как подчиненное нашему желанию: мы не замечаем бесконечной деятельности.

Мыслить *художественный процесс независимо от мозга* — сильная антропатия: но так обстоит дело и с волей, моралью и т.д.

Желание есть ведь только физиологическая сверхактивность, которая стремится к разрядке и давит на все вплоть до мозга.

19 [80]

Результат: все дело лишь в *степенях и количествах*, все люди — художники, философы, ученые и т.п.

Наши оценки ориентированы на количество, не на качество. Мы почитаем *великое*. Но тем самым и *ненормальное*.

Ибо почитание великих последствий малого есть только удивление перед результатом и диспропорцией мельчайших причин. Только когда мы суммируем очень большое число последствий и рассматриваем их как *единство*, мы получаем впечатление величия, т.е. с помощью этого единства мы *создаем* величие.

Но человечество растет только в почитании *редкостного величия*. Даже то, что таковым мнится, напр. *чудо*, оказывает воздействие. Испуг — лучший удел человечества.

19 [81]

Сновидения как отбирающее продолжение зрительных образов.

В царстве интеллекта все качественное выступает только как *количественное*. К качеству нас ведет понятие, слово.

19 [82]

Возможно, человек ничего не может *забыть*. Операции видения и познания слишком сложны, чтобы они могли полностью изгладиться, т.е. все формы, которые когда-либо были произведены мозгом и нервной системой, с этого момента часто воспроизводятся. Сходная нервная активность вызывает сходные образы.

19 [83]

Философское мышление имеет специфику, сходную с мышлением научным, но направлено оно на *великие* вещи и события. Понятие величия изменчиво, частью оно эстетическое, частью моральное. Это *обуздание* познавательного инстинкта. В этом и заключено культурное значение.

Но если метафизика устраняется, то *великим* человечеству снова покажется что-то иное. Я имею в виду, что философы станут предпочитать другие области: и будем надеяться, те, где они смогут благотворно влиять на новую культуру.

Это *законодательство величия*, «именование», связанное с философией: «это – великое», говорит философ, – и тем самым возвышает человека. Начало этого в моральном законодательстве: «это – великое», позиция семи мудрецов, которую в хорошие времена римляне никогда не сдавали.

19 [84]

Подлинный материал всяческого познания – это тончайшие ощущения удовольствия и неудовольствия: на плоскости, куда нервная деятельность проецирует формы боли и наслаждения, рождается подлинная тайна: то, что мы зовем ощущением, производит одновременно *формы*, которые затем вызывают новые ощущения.

Сущность ощущений удовольствия и неудовольствия в том, что они выражаются в адекватных движениях: от того, что эти адекватные движения снова побуждают к ощущениям другие нервы, возникает ощущение *образа*.

19 [85]

Мудрость и наука.
О философах.

Посвящается Артуру Шопенгауэру, бессмертному.

19 [86]

*σοφία*¹ и *ἐπιστήμη*². *σοφία* включает в себе начало выбора, вкуса: тогда как наука, не имея столь тонкого вкуса, кидается на все, поддающееся познанию.

19 [87]

Дарвинизм прав и в том, что касается мышления образами: более сильный образ поглощает слабейшие.

19 [88]

«В нашей любимой подлой Германии!»

19 [89]

Что есть философ? Можно ли ответить, обратившись к древним грекам?

Фалес. Мифолог и философ.

Анаксимандр. Трагическое мировоззрение. Трагедия.

Гераклит. Иллюзия. Художественное в философах.

Искусство.

Пифагор. Мистика и философия. Религия.

Анаксагор. Цели. Дух и материя.

Парменид. Зенон. Логическое. Логика.

Эмпедокл. Любовь. Ненависть. Право и мораль в любви. Мораль.

Демокрит. Число и мера. Точка зрения всякой физики. Философия природы.

---

1 Мудрость (*греч.*).

2 Наука (*греч.*).

Пифагорейцы. Сектантство.

Сократ. Философ и культура. Культура.

Возникновение философов и – философский трибунал для культуры будущего.

19 [90]

Весьма важно, совершается ли мышление с удовольствием или без удовольствия: тот, кому это в тягость, тот, следовательно, меньше к этому расположен и меньше в этом продвинется: он себя *принуждает*, а в такой области это мало что дает.

19 [91]

Все естественные науки есть только антропология, попытка понять человека; еще вернее, сложный обходной маневр, чтобы все-таки возвратиться к человеку. Разбухание человека до макрокосма, чтобы в итоге сказать: «Ты есть в конце концов то, что ты есть».

19 [92]

Порой результат, достигнутый скачком, тотчас же, с точки зрения его следствий оказывается истинным и плодотворным.

Ведет ли гениального исследователя верное *предчувствие*? Да. Он видит именно *возможности*, не имея еще достаточных оснований: но то, что он полагает возможным, показывает его гениальность. Он быстро перелистывает то, что представляется ему в принципе доказуемым.

Злоупотребление познанием, заключающееся в вечном повторении экспериментов и собирании материала, тогда как вывод вытекает уже из немногого. Так же и в филологии: полнота материала во многих случаях бесполезна.

19 [93]

Моральное также не имеет иного источника, кроме интеллекта, но связующая цепь образов воздействует здесь иначе, чем у художника и мыслителя: она побуждает к *действию*. Совершенно ясно, что восприятие подобного, *идентификация* – есть необходимая предпосылка. Затем воспоминание о собственной боли. Быть добрым означает, сле-

довательно, *очень легко и быстро* проводить операцию отождествления. Значит, это преобразование, как у актера.

Всяческая порядочность и всякое право проистекают, напротив, из равновесия эгоизмов: взаимное обязательство не вредить друг другу. По расчету. В форме твердых принципов это снова выглядит иначе: *твердостью* характера. Любовь и право — противоположности; кульминационная точка — самопожертвование на благо мира.

Предвидение возможных ощущений страдания определяет действия правового человека: эмпирически он знает последствия нанесения вреда не только ближнему, но и самому себе.

Христианская этика противоположна: она основывается на отождествлении себя с ближним. Делать добро другим означает здесь делать добро самому себе, сострадание равняется личному страданию. Любовь связана с жаждой единства.

19 [94]

Было бы достаточно одного честного слова благородного таможенника, чтобы навлечь на себя презрение всех в нашей республике ученой черни.

19 [95]

В этой книге я не считаюсь с современными учеными. Тем самым создается впечатление, что я не придаю им значения. Но если хочешь спокойно думать над серьезными вещами, то взгляд, вызывающий отвращение, не должен тебе мешать. И теперь, преодолевая отвращение, я обращаю свой взгляд на них, чтобы сказать им: они мне не безразличны, но я бы хотел, чтобы они были мне безразличны.

19 [96]

В Греции *философия* пошла от великого *математика*. Отсюда тяга к абстрактному, немифическому. При всем его антимифическом образе мыслей в Дельфах математик считался «мудрецом» — Орфики облачают абстрактную мысль в форму аллегории.

Греки перенимают *науки* с Востока. *Математика и астрономия старше, чем философия.*

19 [97]

Истины требует человек и достигает ее в моральном общении с людьми, на этом основано все общежитие. Люди антиципируют дурные последствия взаимной лжи. Отсюда рождается *долг правдивости*. Эпическому рассказчику предоставляется право на *ложь*, так как здесь не ожидают вредных последствий. Значит, там, где ложь кажется приятной, она дозволена; красота и приятность лжи, при условии, что она не наносит вреда. Так жрец сочиняет мифы о своих богах: они оправданы их возвышенностью. Чрезвычайно трудно снова оживить мифическое чувство свободной лжи. Великие греческие философы жили еще целиком в мире, где было право на ложь.

Там, где невозможно знать истину, допустима ложь.

По ночам каждый человек позволяет непрерывно лгать себе.

Стремление к истине возникало бесконечно медленно. Наше историческое чувство есть нечто очень новое в мире. Не исключено, что оно могло бы совсем подавить искусство.

Высказывание *истины любой ценой* – жест *сократический*.

19 [98]

Философ.

Размышления о борьбе искусства и познания.

19 [99]

«Ученая охлократия» вместо республики ученых.

19 [100]

Очень поучительно, когда Гераклит сравнивает свой язык с Аполлоном и Сивиллой.

19 [101]

Чувства водят нас за нос.

19 [102]

Истина и ложь с физиологической точки зрения.

Истина как моральный закон – два источника морали.

Сущность истины определяется по ее *последствиям*.

Последствия заставляют предположить существование недосказанных «истин».

В *борьбе* между такими порожденными силою истинами проявляет себя потребность в том, чтобы найти к ним иной путь. Либо объясняющий все с точки зрения силы, либо восходящий к ней от примеров, явлений.

Восхитительное изобретение логики.

Постепенный перевес логических сил и ограничение тех, которые делают знание *возможным*.

Непрерывная реакция художественных сил и ограничение тем, что знания *достойно* (судя по *последствиям*).

19 [103]

Борьба в *философии*.

Универсальный инстинкт принуждает его к плохому мышлению, колоссальный пафос истины, рождающийся из широты его взглядов, принуждает его к *высказыванию*, а последнее — снова к логике.

На одной стороне рождается *оптимистическая метафизика логики* — постепенно она все отравляет и покрывает ложью. Логика, если она самодержавна, ведет ко лжи: ибо она не самодержавна.

Другое чувство истины проистекает из *любви*, доказательство силы.

Высказывание *истины*, дающей чувство *счастья* на основе *любви*, относится к познанию единичного лица, которого заставляет высказываться избыток чувства счастья.

19 [104]

Быть абсолютно правдивым — героическое наслаждение человека среди лживой природы! *Но осуществимо оно только весьма относительно!* Это трагично. Это *трагическая проблема Канта!* Искусство получает теперь совершенно *новое* достоинство. Науки же, напротив, в известной степени *деградифируют*.

19 [105]

Истинность искусства: только оно в настоящее время честно.

Так дальним обходным путем мы снова приходим к *естественному* отношению (каким оно было у греков). Выяснилось, что основать культуру на знаниях невозможно.

19 [106]

Борьба за *истину вообще* и борьба *вокруг определенной* истины – разные вещи.

19 [107]

Выводы, сделанные бессознательно, вызывают у меня сомнение. Это, видимо, и есть тот самый переход от *образа к образу*: последний образ, к которому приходят, действует как мотив и побуждение.

Бессознательное мышление совершается, должно быть, вне понятий – в форме *созерцаний*.

Но таков ключевой метод созерцательного философа и художника. Он делает то же самое, что делает каждый по личным физиологическим причинам, но в отношении безличного мира.

Это мышление в образах изначально не имеет строго *логического* характера, но все же всегда более или менее логично. Философ старается затем заменить образное мышление понятийным. Инстинкты тоже представляют собой, кажется, такое мышление образами, которое в результате становится побуждением и мотивом.

19 [108]

Насколько велика была этическая сила стоиков, явствует из того, что они нарушали свой принцип в угоду свободе воли.

19 [109]

К теории морали: в политике государственный муж нередко предвосхищает деяние своего противника и совершает деяние первым: «если этого не сделаю я, сделает он». Своего рода *вынужденная оборона* как политический принцип. Точка зрения войны.

19 [110]

Древние греки не имели нормативной теологии: каждый имел право сочинять свою и мог верить, во что хотел.

Громадный пласт философской мысли у греков (с теологическим продолжением в веках).

Большие логические силы обнаруживают себя, напр., в организации культурных сфер отдельных городов.

19 [111]

Орфики *непластичны* в своих мечтаниях, граничат с аллегорией.

19 [112]

Боги стойков заботятся только о *величии*, пренебрегают малым и единичным.

19 [113]

Шопенгауэр отрицает воздействие моральной философии на моральные принципы: так же, как художник творит, не опираясь на понятия. Удивительно! Верно, что каждый человек уже есть интеллигибельное существо (обусловлен бесчисленными поколениями?). Но ведь сильное возбуждение определенных ощущений посредством понятий *усиливает* эти нравственные силы. Не образуется ничего нового, но творческая энергия концентрируется в одном направлении. Напр., категорический императив очень усилил ощущение альтруистической добродетели.

Мы и здесь видим, что высоконравственный человек вызывает, словно по волшебству, подражание. Философ должен это волшебство распространить. То, что является законом для высших экземпляров, должно постепенно стать законом для всех; пусть только как их ограничение.

19 [114]

Стойки перевели Гераклита на плоскость и истолковали его неверно. Эпикурейцы также исказили строгие принципы Демокрита своей изнеженностью (возможности).

У Гераклита высшая закономерность мира, но не оптимизм.

19 [115]

Процесс, который все религии, философия и наука ведут по отношению к миру, начинается с грубейших ант-

ропоморфизмов и никогда не прекращает делать их все более утонченными.

Отдельный человек рассматривает даже созвездия как нечто, что служит ему или с ним связано.

Греки в своей мифологии всю природу растворили в греках. Природа казалась им только маскарадом, переодетыми очеловеченными богами. В этом они противоположны всем реалистам. Противоречие истины и явления жило в них глубоко. Метаморфозы были специфичны.

Фалес выразил это в своем тезисе о том, что все есть вода.

19 [116]

Относится ли интуиция к родовым понятиям или к завершенным *типам*? Но родовое понятие всегда далеко отстает от хорошего экземпляра, тип совершенства выходит за рамки действительности.

Этические антропоморфизмы: Анаксимандр: суд.
Гераклит: закон.
Эмпедокл: любовь
и ненависть.

Логические антропоморфизмы: Парменид: только бытие.
Анаксагор: *νοῦς*¹.
Пифагор: всё есть число.

19 [117]

Всемирная история короче всего, когда измеряешь ее значительными философскими открытиями, оставляя в стороне эпохи, им враждебные. Ни у кого не видим мы такой активности и творческой силы, как у *греков*; они заполняют самый большой промежуток времени, они действительно создали все типы.

Им принадлежит открытие *логики*.

Разве уже язык не свидетельствует о способности человека к созданию логики?

---

1 Ум (*греч.*).

Конечно, это самое удивительное из логических операций и способов дифференцировать мир. Но он не появился вдруг, а является *логическим* итогом бесконечно длительного времени. Здесь следует задуматься об образовании инстинктов: о постепенности их развития.

Духовная деятельность тысячелетий, отложившаяся в языке.

19 [118]

Человек лишь мало-помалу начинает понимать, как бесконечно сложен мир. Вначале он представляет его себе совсем простым, т.е. таким же поверхностным, как и сам человек.

Он исходит из самого себя, самого позднего из созданий природы, и мыслит себе силы, прасилы такими, каково то, что входит в его сознание.

Действие сложнейших механизмов мозга он рассматривает так, будто эти действия изначально были одного порядка. Тот факт, что этот механизм создал в короткое время нечто, доступное пониманию, заставляет его думать, что мир очень молод: он стоит творцу не так уж много времени, думает он.

Он думает, что слово «инстинкт» что-то объясняет, и, не смущаясь, переносит даже бессознательные поступки на глубинный процесс становления вещей.

Ощущения времени, пространства и причинности даны, кажется, с первым *ощущением*.

Человек знает мир в той мере, в какой он знает себя: т.е. глубина мира открывается ему в той мере, в какой он способен удивляться самому себе и своей сложности.

19 [119]

Должна существовать возможность доказательства того, что всего существующего и бытийствующего когда-то *не было* и потому когда-нибудь *не будет*. Становление у Гераклита.

19 [120]

Закладывать в основание мира моральные, художественные, религиозные потребности человека — так же

рационалистично, как и механистично: т.е. мы не знаем ни о толчке, ни о тяжести. (?)

19 [121]

Нам неведома истинная сущность *ни одной причинной связи*.

Абсолютный скепсис: необходимость искусства и иллюзии.

19 [122]

Тяжесть объясняется, быть может, из движущегося эфира, который кружит вокруг необъятного созвездия вместе со всей солнечной системой.

19 [123]

Невозможно *доказать* значение существования ни метафизического, ни этического, ни эстетического.

19 [124]

Порядок в мире — результат самых трудных, медленных и мучительных эволюций, осмысленный как сущность мира. Гераклит!

19 [125]

Надобно доказать, что все мировые конструкции — антропоморфизмы: да и все науки, если Кант прав. Правда, здесь замкнутый круг: если науки правы, то мы не стоим на кантовской основе; если прав Кант, то науки не правы.

Против Канта в любом случае можно возразить, что, даже если принять все его положения, все еще остается *возможным*, что мир таков, каким он нам представляется. В личном плане эта позиция, впрочем, совершенно непригодна. С таким скептицизмом никто не может жить.

Мы должны выйти за рамки этого скепсиса, *забыть* о нем! Чего только не должны мы забыть в этом мире! Искусство, идеальный образ, температуру.

Не в *познании*, в *творчестве* наше спасение! В высшей иллюзии, в благороднейших волнениях души заключается наше величие. Если Вселенная нас не касается, то мы желаем иметь право ее презирать.

19 [126]

Страшное одиночество последнего философа! Его обступила природа, над ним кружит воронье. И вот он кричит природе: дай забвение! Забвение! *Нет, он выносит страдание как титан – до тех пор, пока ему не будет подарено примирение в высшем трагическом искусстве.*

19 [127]

Рассматривать «дух», продукт мозга, как сверхъестественное! Даже обожествлять, какая глупость!

19 [128]

Среди миллионов разрушительных миров один – возможный! И он разрушитель. Он был не первым!

19 [129]

Доплатоновские философы.	Поэтика.
Платон.	Ритмика.
Сократические школы.	Риторика.

19 [130]

«Хоэфоры».	Латинская грамматика.
«Труды и дни».	Греческая грамматика.
Лирики.	
Феогнид.	

19 [131]

Эдип.
Речи
последнего философа,
обращенные к самому себе

Фрагмент
из истории будущего

Последним философом называю я себя, ибо я – последний человек. Никто не говорит со мной, кроме меня самого, и мой голос доносится до меня как голос умирающего. С тобой, любимый голос, с тобой, последним вздохом воспоминания о счастье человеческом, позволь мне говорить всего лишь час, благодаря тебе я забуду о своем

одинокости и упьюсь лживым многообразием и лживой любовью, ибо сердце мое противится верить, что любовь умерла, оно не выносит ужаса беспредельного одиночества и заставляет меня говорить, как будто нас тут двое.

Слышу ли я тебя еще, голос мой? Ты шепчешь, шепчешь проклятия? И все же да раздерут твои проклятия внутренности этого мира! Но он еще живет и смотрит на меня, только еще безжалостнее и холоднее своими сверкающими звездами, он живет, такой же глупый и слепой как прежде, и только одно умирает — человек.

И все же! Я еще слышу тебя, возлюбленный мой голос! Еще один умирает вместе со мной, последним человеком, в этой Вселенной: последний вздох, *твой* вздох, умирает со мной, донесшееся до меня «О, горе! О, горе!» — овеявшее меня, последнего из горюющих, Эдипа.

19 [132]

Ужасающее следствие дарвинизма, который я, впрочем, считаю истиной. Вся наша почтительность обращена на качества, которые представляются нам вечными: моральность, художественность, религиозность и т.д.

Размышляя об инстинктах, не продвинешься ни на шаг в понимании целесообразности. Ибо именно эти инстинкты представляют собой лишь продукт бесконечно долго продолжавшегося процесса.

Воля объективирует себя не *адекватно*, как говорит Шопенгауэр: так кажется, когда исходишь из наиболее совершенных форм.

Эта воля также в высшей степени сложное последнее звено в природе. Среди предпосылок и *нервы*.

И даже сила тяжести: ведь и это не простой феномен, а снова результат движения солнечной системы, эфира и т.д.

И механический толчок тоже нечто сложное.

Мировой эфир как нравственность.

19 [133]

Всякое познание есть отражение в очень определенных формах, которые не существуют заранее. Природа не знает *образа, величины*, большими или маленькими вещи выступают только для познающего. *Бесконечное* в природе:

она нигде не имеет границ. Только для нас существует конечное. Время делимо до *бесконечности*.

19 [134]

От Фалеса до Сократа — сплошные переносы человеческого на природу — колоссальные спектакли человеческих теней, отбрасываемых на природу, на горные склоны!

Сократ и Платон. Познание и добро универсальны.

Прекрасное в начале. *Идеи* художника.

Пифагор   число.

Демокрит   вещество.

Пифагор   человек не продукт прошлого, но возврат. Единство всего живого.

Эмпедокл   животное и растительный мир с моральной точки зрения, универсальный половой инстинкт и ненависть. Универсальная «воля».

Анаксагор   дух как начало начал.

Элеаты.

Гераклит   созидательная сила художника как начало начал.

Анаксимандр   суд и наказание универсальны.

Фалес.

Прежде боги и природа. Религии — только универсальные выражения. Астрология. Человек как цель. «*Всемирная история*».

Кантовская вещь в себе как категория.

Философ есть продолжение инстинкта, посредством которого мы непрерывно, при помощи антропоморфных иллюзий, общаемся с природой. Глаз. Время.

19 [135]

Философ, запутавшийся в тенетах языка.

19 [136]

Я хочу изобразить и прочувствовать *грандиозное развитие некоего философа*, который желает знания, философа по имени человечество.

Большинство людей настолько подчинены инстинкту, что вообще не замечают, что происходит. Я хочу сказать и заставить обратить внимание на то, что происходит.

Некий философ тождествен здесь со всеми устремлениями науки. Ибо все науки покоятся на общем фундаменте философии.

Показать грандиозное *единство* во всех познавательных инстинктах: ученый, разбившийся на куски.

19 [137]

Задачи:

Так называемые абстракции.

Формы как поверхности.

19 [138]

Апология искусства

Введение.

Вынужденная ложь и *véracité du dieu*¹ Декарта.

Платон *против* искусства.

1. Язык и понятие.
2. Формы как поверхности.
3. Пафос истины.
4. — — —

19 [139]

Бесконечность есть изначальный факт: следовало бы только объяснить, откуда берется конечное. Но точка зрения конечного чисто чувственна, т.е. иллюзорна.

Как можно осмелиться говорить о предназначении земли!

В бесконечном времени и бесконечном пространстве не существует целей: *то, что там есть, есть вечно* в каких-либо формах. Что означает это для метафизического мира, предугадать невозможно.

Человечество должно уметь *стоять*, ни на что не опираясь, — великая задача художника!

19 [140]

Время само по себе — бессмыслица: оно есть только для ощущающего существа. Так же и пространство.

Все *фигуры* принадлежат субъекту. Он — зеркало, схватывающее *поверхности*. Все качества мы должны стереть.

¹ Правдивость бога (*фр.*).

Мы не можем мыслить вещи, каковы они есть, потому что мы не вправе их мыслить.

Все остается таким, какое оно есть: т.е. все качества указывают на неподвластное определению, абсолютное положение дел. Отношение приблизительно такое, как между звуковыми фигурами Хладни и колебаниями.

19 [141]

Всякое знание возникает путем сепарации, отграничения, ограничения; никакого абсолютного знания целого.

19 [142]

Удовольствие и неудовольствие как универсальные ощущения? Не думаю.

Но где выступают художественные силы? Конечно, в кристалле. Образование *фигуры*: но не предполагает ли это созерцающее существо?

19 [143]

Музыка как дополнение языка: множество *преlestных* вещей и целые состояния увлеченности, которые не может передать язык, передает музыка.

19 [144]

В природе отсутствует форма, ибо не существует внутреннего и внешнего.

Все искусство основано на *зеркальности* глаз.

19 [145]

Чувственное познание человека, несомненно, нацелено на *преkrасное*, оно просветляет мир. Чего еще нам искать? Чего хотим мы за пределами наших чувств? Неустанное познание уводит в пустоту и уродство. *Довольствоваться* миром, как он дан в эстетическом созерцании!

19 [146]

Как только хотят *познать* вещь в себе, *тотчас же видят перед собой именно этот мир*—познание возможно только как отражение и соизмерение себя *одной мерой* (ощущение).

Мы знаем, что мир есть: абсолютное и безусловное познание есть воля к познанию без познания.

19 [147]

Так называемые *бессознательные выводы* восходят к *все-сохраняющей памяти*, которая предоставляет опыты параллельного свойства и потому уже *знает* последствия того или иного поступка. Это не антиципация воздействия, но чувство: одинаковые причины и одинаковые следствия, вызванные образом, сохранившимся в памяти.

19 [148]

Мы слишком легко путаем *кантовскую* вещь в себе и истинную суть вещей, как понимают ее *буддисты*: т.е. действительность представляет всецело *видимость* или *явление, всецело адекватное истине*.

Видимость как небытие и явление сущего спутываются друг с другом.

Вакуум заполняется всевозможными суевериями.

19 [149]

Ход философии: вначале мыслятся люди как перво-причина всех вещей—постепенно вещи получают объяснение по аналогии с отдельными человеческими свойствами, наконец останавливаются на *ощущении*. Большой вопрос: является ли ощущение первичным фактом всей материи?

Притяжение и отталкивание?

19 [150]

Влечение к историческому познанию—его цель осмыслить человека в становлении и здесь устранить чудо.

Это влечение отвлекает от инстинкта культуры величайшие силы: познание—чистая роскошь, от этого современная культура ни насколько не повышается.

19 [151]

Смотреть на философию как на астрологию: а именно связывать судьбу мира с судьбой человека: т.е. рассматривать высшую эволюцию *человека* как высшую эволюцию

мира. Этот философский инстинкт питает все науки. Человечество сначала уничтожает религию, потом науку.

19 [152]

Чувство прекрасного связано с порождением.

19 [153]

И кантовской теорией познания человек сразу же воспользовался для прославления человека: только в нем мир обретает реальность. Им, как мячом, играют в человеческих головах. В действительности это означает только одно: следует думать, что существуют произведение искусства и глупый человек, чтобы его рассматривать. Правда, как феномен мозга он существует для этого глупца лишь постольку, поскольку он сам все же является художником и добавляет от себя формы. Он мог бы смело утверждать: вне моего мозга он вообще не обладает реальностью.

Формы интеллекта возникли из материи очень постепенно. Вероятно, что они строго соответствуют истине. Откуда мог бы появиться такой аппарат, который изобретает нечто новое!

Главной способностью мне представляется способность воспринимать *фигуру*, отраженную в зеркале. Пространство и время есть лишь *измеренные*, ритмом размеренные вещи.

19 [154]

Вы не должны спасаться бегством в метафизику, но деятельно принести себя в жертву *становящейся культуре!* Вот почему я так строго отношусь к мечтательному идеализму.

19 [155]

Всякое познание есть измерение масштабом. Без масштаба, т.е. без ограничения, не бывает познания. В области интеллектуальных форм дело обстоит так же, как если бы я поставил вопрос вообще о ценности познания. Я должен занять позицию, которая находится *выше* или по меньшей мере *тверда*, чтобы воспользоваться ею в качестве масштаба.

19 [156]

Если мы сведем весь мир интеллекта к *влечению* или *ощущению*, то такая беднейшая перцепция объяснит очень мало.

Положение: не существует познания без познающего или нет субъекта без объекта и нет объекта без субъекта вполне верно, но крайне тривиально.

Мы ничего не можем сказать о вещи в себе, потому что мы лишили себя точки зрения познающего, т.е. измеряющего. Какое-либо качество существует *для нас*—это значит мы его мера. Если отнять меру, то что останется от качества!

Что вещь *есть*, можно понять только с помощью установленного рядом субъекта измерения. Ее свойства как таковые нас не касаются, они важны лишь поскольку они воздействуют на нас.

Теперь надо спросить: как возникло такое *измеряющее существо*?

Растение тоже существо, дающее меру.

19 [157]

Грандиозный консенсус людей по поводу вещей доказывает полную однородность их аппарата перцепции.

19 [158]

Для растения мир такой-то и такой-то—для нас такой-то и такой-то. Если сравнить обе силы перцепции, то наше понимание мира будет казаться нам более правильным, т.е. более отвечающим истине. Но человек прошел большой путь развития, а познание продолжает еще развиваться: значит, картина мира становится все истиннее и полнее. Естественно, это только *отражение*, все более отчетливое. Но и зеркало не есть нечто совсем постороннее, не принадлежащее сущности вещей, оно долго формировалось подобно сущности вещей. Мы видим стремление сделать зеркало все более адекватным: естественный процесс продолжает наука. Так вещи отражаются все яснее; постепенное освобождение от излишнего антропоморфизма. *Для растения весь мир—растение*, для нас—человек.

19 [159]

Толчок, воздействие одного атома на другой также предполагает *ощущение*. Нечто в себе чуждое не может воздействовать друг на друга.

Не пробуждение ощущений представляет трудность, а пробуждение сознания в мире. Но и это все еще объяснимо, если все обладает ощущением.

Если все имеет ощущения, то перед нами неразбериха мельчайших, больших и самых больших центров ощущения. Эти комплексы ощущений, большие или меньшие, следовало бы именовать «волей».

Мы с трудом избавляемся от *качеств*.

19 [160]

Говорить о бессознательной цели человечества я считаю неправильным. Оно не целое, подобное муравейнику. Пожалуй, можно говорить о бессознательной цели какого-то города, народа: но что это означает, когда говорят о бессознательной цели *всех муравейников земли!*

19 [161]

Ощущение, рефлекторные движения, очень частые и молниеносные, постепенно совсем привычные производят конечную операцию, т.е. порождают чувство причинности. От ощущения каузальности зависят пространство и время.

Память сохраняет совершенные рефлекторные движения.

Сознание начинается с ощущения каузальности, т.е. память старше, чем сознание. Напр., у мимозы мы видим память, но не сознание. Конечно, у растения память без *образа*.

Но *память* должна тогда относиться к сущности *ощущения*, быть первородным свойством вещей. Но тогда то же и рефлекторные движения.

Нерушимость законов природы означает вот что: ощущение и память содержатся в сущности вещей. То, что какое-то одно вещество, соприкасаясь с другим, реагирует именно так, — вопрос памяти и ощущения. Когда-то в прошлом оно этому *научилось*, т.е. деятельность веществ — это *законы, сформировавшиеся* в процессе становления. Но затем

характер реакции, выбор решения определяется удовольствием и неудовольствием.

Но если удовольствие, неудовольствие, ощущение, память, рефлекторные движения относятся к сущности материи, то *человеческое познание проникает в сущность вещей намного глубже.*

Вся логика в природе распадается тогда на систему *удовольствий* и систему *неудовольствий*. Каждый тянется к удовольствиям и избегает неудовольствий, это вечные законы природы.

19 [162]

Память не имеет ничего общего с нервами, с мозгом. Это первичное свойство. Ибо человек носит в себе память всех предшествующих поколений.

Образ памяти есть нечто очень искусственное и редкое.

19 [163]

Вести речь о памяти, которая никогда не ошибается, так же неправильно, как и об абсолютно целесообразном действии естественных законов.

19 [164]

Существует ли бессознательное заключение? Делает ли материя *выводы*? Она ощущает и борется за свое индивидуальное бытие. «Воля» обнаруживает себя, во-первых, в *изменении*, т.е. имеется род *свободной воли*, которая модифицирует существо вещи, стремясь к удовольствию и отталкиваясь от неудовольствия. Материя наделена некоторым числом качеств, которые *протейски* изменчивы, которые она в зависимости от своих целей акцентирует, усиливает, использует в интересах целого.

Качества представляют собой, по-видимому, только определенные модифицированные деятельности *одной* материи. Выступающие в зависимости от пропорций числа и меры.

19 [165]

Мы знаем только *одну* реальность — реальность *мысли*. А что, если это сущность вещей?

Если бы память и ощущение были *материей* вещей!

19 [166]

Мысль дает нам понятие о совершенно новой форме *реальности*: она складывается из ощущений и памяти.

19 [167]

Человек в мире мог бы действительно осмыслить себя как персонажа **из какого-то сна**, который и сам тоже видел этот сон.

19 [168]

Философ у греков продолжает при ярком свете дня ту деятельность, благодаря которой греки пришли к своей культуре.

19 [169]

1. Отсутствие *διαδοχαί*¹.
5. Различные типы.

19 [170]

Философы — высший класс среди аристократов духа. У них нет публики, им нужна *слава*. Для того чтобы поделиться лучшими своими радостями, они нуждаются в *доказательствах*: в этом они несчастнее, чем художники.

19 [171]

На примере современной Германии мы видим, что возможен расцвет науки в условиях варварской культуры; точно так же и полезность не имеет ничего общего с науками (хотя так кажется в условиях, когда предпочтение оказывается учреждениям химическим и естественно-научным, а чистые химики могут прославиться как носители могущественных сил).

Наука расцветает в собственном жизненном эфире. Упадочная культура (наподобие александрийской) и некультура (как наша) не лишают ее возможности существования.

Познание может быть даже эрзацем культуры.

---

1 Преемственности (*греч.*).

19 [172]

Причина того, что познание и культура могут оставаться чуждыми друг другу, — в обособлении знаний как следствии разделения наук. В *философии* познание снова входит в соприкосновение с культурой.

Он охватывает все знание и ставит вопрос о его ценности. Это — проблема культуры: познание и жизнь.

19 [173]

Являются ли *темные* века, напр. Средневековье, действительно периодами здоровья, как бы периодами сна, в который погружается интеллектуальный гений человечества?

Или: не есть ли и *темные* времена результат высшего предназначения? Если книги имеют свои *fata*¹, то, видимо, и гибель книг есть *fatum*², имеющий какую-нибудь цель.

Цели повергают нас в *смятение*.

19 [174]

В философии деятельная жизнь мира продолжается в форме метафор. Стремление к *объединяющей* власти. Каждая вещь стремится в безграничность, индивидуальный характер редко бывает очерчен в природе твердой линией, он простирается дальше. *Медленнее* или *быстрее*, вопрос чисто человеческий. Если обратиться к области бесконечно малого, то всякое развитие всегда совершается *бесконечно быстро*.

19 [175]

Что делает с людьми правда!

Можно вести высшую и очень чистую жизнь, если веришь, что владеешь истиной. *Вера в истину* необходима людям.

Правда является социальной потребностью. С социумом возникает потребность в правде. Вне социума человек вечно погружен в иллюзии. Основание государства порождает правдивость.

Инстинкт познания имеет своим источником *мораль*.

---

1 Судьбы (*лат.*).

2 Рок (*лат.*).

19 [176]

Какова ценность мира — на это должен указывать и мельчайший его осколок — посмотрите на человека, тогда вы узнаете, что вам следует думать о мире.

19 [177]

Нужда порождает при известных обстоятельствах правдивость как средство существования социального коллектива.

Интенсивная практика укрепляет инстинкт и он, благодаря метастазам, распространяется бесконтрольно. Он становится влечением. Из практического применения в особых случаях рождается качество.

И вот мы обладаем инстинктом познания.

Эта универсализация происходит благодаря вторжению *понятия*. Качество это начинается с *ложного* суждения: быть правдивым — значит быть правдивым *всегда*. Отсюда возникает влечение жить не по лжи: устранить все иллюзии.

Но его гонит из одной ловушки в другую.

Добрый человек тоже хочет теперь быть правдивым и верит в правду всех вещей. В истинность не только общества, но и мира. А тем самым и в его познаваемость. Потому что зачем же миру его обманывать?

Значит, он переносит свое влечение на мир и думает, что и мир должен быть по отношению к нему правдивым.

19 [178]

Я не спрашиваю о цели познания: оно случайно, т.е. возникает не вместе с разумным целеполаганием. Как расширение или отвердевание необходимого в известных случаях образа мыслей и действий.

По своей природе человек существует не для познания.

Два свойства, необходимых для различных целей, — *правдивость* и *метафора* — породили влечение к истине. Это моральный феномен, который, испытывая эстетическое обобщение, вызывает интеллектуальный инстинкт.

Инстинкт есть здесь именно привычка делать определенные заключения, и отсюда *κατὰ ἀνάλογον*¹ долг делать такое заключение всегда.

19 [179]

Природа поместила человека в мир сплошных иллюзий. Это его подлинная стихия. Он видит формы, переживает влечения вместо истин. Он видит сны, населяет в своем воображении природу очеловеченными богами.

Существом познающим человек сделался случайно, в силу непреднамеренного сочетания двух качеств. Когда-нибудь он прекратит свое существование, и ничего не произойдет.

Их долго не было и когда они перестанут быть, не случится ничего. У них нет больше никакой миссии и назначения.

Человек — животное в высшей степени патетическое и относится ко всем своим свойствам так серьезно, будто от них зависит существование мира.

Подобное напоминает о подобном и сравнивает себя с ним: это познание, быстрое соединение однородного. Только подобное участвует в подобном: физиологический процесс. То, что есть подобие, есть и перцепция нового. Не мысль мыслью — — —

19 [180]

Олжи.

Гераклит. Вера в вечность истины.

Гибель его труда — одновременно гибель всякого познания.

А что у Гераклита истина!

Описание его учения как антропоморфизма.

Так же Анаксимандр. Анаксагор.

Отношение Гераклита к греческому народному театру.

Это — эллинский космос.

Возникновение пафоса истины. Случайное зарождение познания.

¹ Соответственно (*греч.*).

Лживость иллюзий, в мире которых живет человек.
 Иллюзия — фундамент всего великого и живого. Пафос
 истины ведет к гибели. (В этом заключается «великое».)
 Прежде всего к гибели *культуры*.
 Эмпедокл и жертва. Элеаты. Платону для государства
 нужна ложь.
 Распад культуры на *секты* у греков.
 Мы же, наоборот, *через секты* возвращаемся к культуре,
 мы стремимся снова втиснуть безграничное познание
 в философа и снова убедить его в антропоморфности
 всякого познания.

19 [181]

Объективная ценность познания — оно не делает
лучше. Не стремится к последним мировым целям. Возник-
 нование его случайно. Ценность правдивости.
 И всё же она делает лучше! Цель его — гибель. Оно
 жертвует. Наше *искусство* — слепок с безнадежного познания.

19 [182]

В познании человечество обрело превосходное
 средство собственной гибели.

19 [183]

То, что человек стал таким, а не иным, несомненно
 дело его рук: в том, что он так погружен в иллюзии (гре-
 зы) и знает только поверхностное (глаз), — его *сущность*.
 Стоит ли удивляться, если и влечение к истине в конеч-
 ном счете снова сводится к его сущностной основе?

19 [184]

Мы чувствуем величие человека, когда слышим, что
 кто-нибудь, чья жизнь зависела от лживого слова, все же
 не солгал, — еще лучше, если правдивость заставляет госу-
 дарственного мужа разрушить царство.

19 [185]

Наши привычки становятся добродетелями благодаря
 свободному перенесению их в царство долга, т.е. благодаря
 тому, что мы верность им включаем в понятие. Наши при-

вычки становятся добродетелями благодаря тому, что мы меньше ценим наше благополучие, чем их нерушимость,— жертвуя индивидом или, по меньшей мере, *допуская возможность такой жертвы*. Когда индивид перестает ценить себя высоко, появляется мир добродетели и искусства — наш метафизический мир. *Долг* предстал бы в особой *чистоте*, если бы в сущности вещей ничего *не соответствовало моральному чувству*.

19 [186]

Не то чтобы мысль воздействовала на память, но мысль проходит через бесчисленные незаметные превращения, т.е. *мысли* соответствует *вещь в себе*, которая подает руку аналогичной вещи в себе в памяти.

19 [187]

Индивиды — это мосты, на которых совершается становление. Все качества первоначально только *однократные акции*, затем часто повторяемые в одинаковых случаях, наконец привычки. В каждой акции индивид участвует всем своим существом, и привычке соответствует специфическая трансформация индивида. В индивиде все до последней мельчайшей клетки индивидуально, т.е. участвует во всем его опыте и прошлом. Отсюда возможность *порождения*.

19 [188]

История греческой философии до
Платона,
представленная
в основных ее чертах
Ф.Н.

19 [189]

Введение.

1. Фалес Анаксимандр Гераклит Парменид Анаксагор
Эмпедокл Демокрит Пифагорейцы Сократ.

Глава 1.

Глава 2.

19 [190]

*История греческой философии.**Введение.*

1. Фалес.
  2. Анаксимандр.
  3. Гераклит.
  4. Парменид.
  5. Анаксагор.
  6. Эмпедокл.
  7. Демокрит.
  8. Пифагорейцы.
  9. Сократ.
- Добавления.*

19 [191]

Введение об истине и лжи.

1. Пафос истины.
2. Генезис истины.
3. — — —

19 [192]

Политический смысл древнейшей греческой философии—показать его наличие так же, как и ее волю к *метафоре*.

19 [193]

Наша склонность к *театральности* проявляет себя только в наиболее вульгарных формах, подобно тому, как наша общительность в пивной.

19 [194]

Человечество продолжает расти, бросая семена в почву невозможного, делая ставку на *добродетели*—категорический императив, как и завет «Дети, любите друг друга»—таковы требования невозможного.

Так и *чистая логика*, которой питается наука, есть невозможное.

19 [195]

Философ—самое редкое среди явлений великого, ибо познание не есть оригинальный дар человека, оно случайно. Но от этого и высший тип величия.

19 [196]

Мы должны учиться так, как греки у своего прошлого и соседей — для *жизни*, а значит, с величайшей разборчивостью и сразу же используя все, чему научились, как шест, опираясь на который можно взлететь выше всех соседей. Не по-ученому! То, что не пригодно для жизни, не является подлинной историей. Правда, все зависит от того, насколько возвышенно или пошло думаете вы о *жизни*. Тот, кто пытается актуализировать историю Рима безвкусными намеками на жалкие партийные распри современности, на эфемерное современное *образование*, грешит против прошлого еще больше, чем обыкновенный кабинетный ученый, под пером которого все кажется мертвым как мумия. (Таков историк Моммзен, имя которого часто приходится слышать в наши дни.)

19 [197]

Поведение Сократа во время *процесса военачальников* весьма удивительно, так как в политическом отношении оно по-своему истинно.

19 [198]

Наши естественные науки движутся к *гибели*, преследуя цель познания.

Наше историческое образование — к смерти культуры. Оно борется против религий — и по пути уничтожает культуру.

Это неестественная реакция против плодотворного религиозного давления — ныне бросившаяся в крайности. Без чувства меры.

19 [199]

Немцы совершенно недостойны истинного искусства: ибо какой-нибудь простофиля с политической тенденцией, типа Гервинуса, тотчас с комической важностью насадки усаживается на нем, будто это яйца, отложенные специально для него. Птица Феникс должна остерегаться класть свои золотые яйца в Германии.

19 [200]

Отвратительная немецкая культура еще отвратительнее сегодня, когда она трубит в победные трубы военной славы.

Такие скверные учителя, какие и должны были выйти из нашей филологической школы.

19 [201]

Даже такой почтенный критик Библии, как Давид Штраус, начинает говорить, как кухарка из дешевой чадной харчевни, как только вокруг него расходятся клубы гегельянского пара. Немцы, как известно, такие «образованные», умеют обходиться с естествознанием лишь как беглые кандидаты богословия, и слушают только того, кто весьма грубо разрушает их веру в чудеса.

Нынче в моде сердечно радоваться своему узколобому филистерству — филистер потерял невинность (Риль). Филистер и образованный ветрогон нашего фельетонного времени братски пожимают друг другу руки и предаются общему ликованию, когда боннский недоумок-философ Юрген Бона-Мейер отрицает пессимизм, а Риль, Ян или Штраус — Девятую симфонию.

Что означает в действительности коммерческий успех, выпавший на долю романа Фрейтага, чувствуют лишь немногие: наши блеклые властители дум от литературы становятся гротескно дерзкими и говорят, как три богатыря, хором, или услаждают себя изнеженными нимфами в манере художника Швинда.

Если вы не способны к величию, остерегайтесь великого.

19 [202]

Я не чувствую, что существует какое-либо предопределение относительно хороших книг: плохие имеют едва ли не больше шансов сохраниться в памяти человечества. Кажется почти чудом, что Эсхила, Софокла и Пиндара переписывали все снова и снова, и то, что мы вообще обладаем античной литературой, очевидно, величайшая случайность.

19 [203]

То, что Шопенгауэру суждено было пережить в наш век, что первое издание его труда было уничтожено как макулатура, что его имя постепенно выплыло из забвения, обязано, в сущности, суетливой возне незначительных, даже сомнительных литераторов — — —

19 [204]

Абстракции есть *метонимии*, т.е. путаница причины со следствием. Но тут важно, что всякое понятие представляет собой метонимию, и познание совершается через понятия. «Истина» становится *силой*, если сначала выделить ее как абстракцию.

19 [205]

Мораль *отрицания* великолепна, ибо восхитительно невозможна. Чему можно уподобить, когда человек в полном сознании говорит «Нет!», в то время как все его чувства и нервы говорят «Да!», и каждая клеточка, каждое волоконец противится?

19 [206]

Если я говорю об ужасающей возможности того, что познание ведет к гибели, то это вовсе не означает, будто я хочу сделать комплимент ныне живущему поколению: в нем нет ничего от таких тенденций. Но, когда видишь, как развивалась, начиная с XV века, наука, то подобная возможность и власть открываются сами собой.

19 [207]

Человек, который не верит в правдивость природы, но повсюду усматривает метаморфозы, переодевания, маскарады, в быках видит богов, в конях — мудрых толкователей природы, в деревьях — нимф: такой человек, когда он сам подчиняет себя закону правды, начинает верить и в правдивость природы, которая направлена против него.

19 [208]

Выбросить все «нам», и «мы», и «я». Свести к минимуму также предложения с «что». Избегать, по возможности, всех искусственных слов.

19 [209]

Человек все больше научался приспособлять к себе вещи и познавать их. Более полное познание не отдаляет его от вещей, благодаря этому он все же ближе к истине, чем растения.

Воспринятое раздражение и взгляд на движение, связываясь друг с другом, дают причинность, первоначально как положение, фиксирующее опыт. Две вещи, а именно определенное ощущение и определенная картина, схваченная зрительно, всегда появляются вместе: то, что одно является причиной другого, — *метафора, заимствованная у воли и деяния*: вывод по аналогии.

Единственная каузальность, которую мы осознаем, — таковая между волей и поступком — ее мы переносим на все вещи и объясняем себе отношение двух изменений, наступающих всегда одновременно. Намерение или волеяние выражается *nomina*, поступки обозначаются *verba*. Животное как волящее — в этом его сущность.

Из *качества и поступка: свойство*, которым мы обладаем, ведет к действиям: тогда как по существу дело обстоит таким образом, что из действий мы выводим свойства: мы предполагаем свойства, потому что видим определенного рода действия.

Итак: первичное — это *действие*, его мы связываем со свойством.

Вначале возникает слово для действия, отсюда и слово для качества. Это отношение, перенесенное на все вещи, есть *каузальность*.

Сначала «видеть», потом «видение». «Видящий» считается причиной «видения». Между чувством и его функцией мы ощущаем закономерное отношение: причинность есть перенос этого отношения (с чувства на функцию чувства) на все вещи.

Первичный феномен: раздражение, воспринятое глазом, приписывать глазу, т.е. относить возбуждение чувства к чувству. Как таковое дано только раздражение: воспринимать его как деятельность глаза и говорить, что он видит, есть каузальное умозаключение. *Ощущать раздражение как деятельность*, нечто пассивное, как активное есть первое ощущение каузальности, т.е. первое ощущение

уже вызывает чувство каузальности. Внутренняя связь *раздражения и деятельности*, перенесенная на все вещи. Так, слово «видеть» — это слово для обозначения нераздельности раздражения и деятельности. *Глаз деятелен в ответ на раздражения*: т.е. он видит. Опираясь на функции наших чувств, мы объясняем себе мир, предполагая всюду причинность потому, что сами *переживаем* такие изменения *постоянно*.

19 [210]

Время, пространство и причинность — лишь *метафоры* познания, с помощью которых мы объясняем себе вещи. Раздражение и деятельность связаны: каким образом, мы не знаем, мы не понимаем ни одного отношения причины, но имеем непосредственный опыт таких отношений. Всякое страдание вызывает поступок, каждый поступок — страдание; это самое общее из чувств уже *метафора*. Воспринятое множество предполагает время и пространство, одно после другого и одно рядом с другим. Рядоположенность во времени порождает ощущение пространства.

Ощущение времени дается вместе с чувством причины и следствия, как ответ на вопрос о степенях скорости при различных причинных отношениях.

Ощущение пространства следует выводить посредством метафоры из ощущения времени — или наоборот?

Два причинных отношения, локализованных рядом друг с другом —

19 [211]

Я пытаюсь быть полезным для тех, кто достоин того, чтобы их своевременно и со всей серьезностью ввели в изучение философии. Успешна эта попытка или нет, я слишком хорошо знаю, что делать это можно еще лучше и не желаю ничего другого, как служить примером для подражания и быть превзойденным во славу философии.

Тем, кто решится на это, следует от чистого сердца пожелать не доверяться руководству первого встречного философа-профессионала из академических кругов, а читать Платона.

Прежде всего следует отучиться от всяческих ужимок и стать простым и естественным.

Опасность попасть не в те руки.

19 [212]

Введение. Типы ума и учений, дать их просто и легкообозримо.

То, что есть философия, должно быть отчетливым, такова специальная задача философии внутри культуры.

Примечательно, что философствуют в эпоху трагедии именно греки.

Смысл *истории*: метаморфоза растений. Пример.

Идеалы и «иконическая» история — последняя невозможна. О фильтрации, производимой посредственными умами. *Шопенгауэр*, I, XXVI.

Неприязнь к компиляциям.

Образцы — вопросы, которые ставит к философии Шопенгауэр и критика Канта. *Шопенгауэр*, I, 290.

19 [213]

В манере древних историков.

2. оправдать греков.

3. Фалес.

19 [214]

Философия

в

трагическую эпоху греков.

Краткое изложение
древних философских
учений греков.

19 [215]

Единственный способ одолеть множественность в том, чтобы сформировать роды, напр. назвать некоторое собрание способов действия «смелым». Мы объясняем их себе, сводя их в общую рубрику «смелые поступки». Все познать и объяснить означает, собственно, всего лишь рубрицировать. И резкий поворот: множество вещей сво-

димы в единство, если одновременно они рассматриваются нами как бесконечные проявления *одного* качества, напр. как действия *воды*, как у Фалеса. Мы имеем здесь дело с переносом: абстракция схватывает вместе бесчисленные действия и считается причиной. Какова абстракция (свойство), которое объединяет множество вещей? Это качество – «водный», «влажный». Весь мир – влага, стало быть состояние влажности есть целый мир. Метонимия! Ложный вывод. Предикат спутан с суммой предикатов (дефиниция).

Логическое мышление, мало практиковавшееся ионийцами, развивалось очень медленно. И ложные выводы нам следует рассматривать скорее в качестве метонимий, т.е. риторически, поэтически.

Все *риторические фигуры* (т.е. сущность языка) являются *логическими ошибками в выводах*. С этого начинается разум!

19 [216]

Мы видим, что *философия* развивалась первоначально вне логики, так же, как *возникал и язык*.

Но вот к этому добавляется пафос *истины и правдивости*. Вначале это не имеет ничего общего с логикой. Это говорит только о том, что не было *никакого сознательного обмана*. Все иллюзии в языке и философии первоначально бессознательны и осознаются с большим трудом. Но с появлением различных соседствующих философских учений (или религиозных систем), учреждаемых с равным пафосом, появляется возможность борьбы. В условиях сосуществования враждебных религий каждая спасалась тем, что объявляла другие ложными: так и в системах.

Некоторых это привело к скептицизму: истина глубоко на дне колодца! – вздыхали они.

У Сократа истинность попадает во власть логики: она замечает бесконечные трудности на пути правильного рубрицирования.

19 [217]

Тропы, а не бессознательные выводы – вот на чем основаны наши чувственные восприятия. отождествлять подобное с подобным, находить в одной и другой вещи ка-

кое-нибудь сходство — это начальный процесс. *Память* жива этой деятельностью и практикуется в ней непрерывно. Первичный феномен — *подмена*. — Это предполагает *видение фигур*. Наше познание определяется зрительным образом, затем ритмом нашего слуха. От зрения мы *никогда* не пришли бы к представлению о времени, от слуха — никогда к пространственным представлениям. Чувству осязания соответствует ощущение каузальности.

Изначально мы видим зрительные образы только *в нас*, и тон слышим только *в нас* — отсюда к признанию внешнего мира долгий путь. Растение, напр., внешнего мира не ощущает. Осязательные ощущения и соответственно зрительный образ дают два ощущения, в опыте расположенные рядом — они, поскольку появляются всегда вместе, вызывают представление об их связи (посредством *метафоры* — ибо не все являющееся вместе взаимосвязано).

Абстракция — продукт чрезвычайной важности. Это впечатление, которое на длительное время сохраняется в памяти, отвердевает в ней и, подходя к очень многим явлениям, оказывается от этого очень грубым и неудовлетворительным в отношении каждого из них отдельно.

19 [218]

Пафос истины в мире лжи.

Мир лжи вновь на самых высоких вершинах философии.

Цель этой высшей лжи — обуздание неограниченного инстинкта познания.

Возникновение познавательного инстинкта из морали.

19 [219]

Откуда пафос истины в мире лжи? Из морали.

Пафос истины и логика.

Культура и истина.

19 [220]

Каждое маленькое познание заключает в себе большое удовлетворение: но не как истина, а как вера в то,

что удалось открыть истину. Какого рода это удовлетворение?

19 [221]

Культура—единство. Кажется, только философ стоит в стороне. Он обращается к далеким потомкам—слава.

Удивительно, что греки занимались философией.

Прельстительная ложь.

Но еще удивительнее, что *человеком* вообще овладел пафос истины.

Образы в нем ведь намного могущественнее, чем природа вокруг него: как у немецких художников XV века, которые вопреки окружающей их природе изображают руки и ноги как паутинки—следуя старой благочестивой традиции.

Платон мечтает о новом государстве, в котором восторжествует *диалектика*, он отвергает *культуру* прельщающей лжи.

19 [222]

В Германии теперь больше не философствуют, и потому возникает вопрос: что, собственно, есть философ, непонятный немцам. Отсюда и устойчивое, переходящее в конце концов в озлобленность удивление тому, что кто-то, не обращая на них внимания и все же обращаясь именно к ним, может жить среди них как философ. Немцы нынче не выносят этого так же, как призраки не выносят, чтобы их вызывали по имени.

Отчаянное невезение—родиться философом среди немцев!

19 [223]

Моральные инстинкты: материнская любовь, постепенно переходящая в любовь вообще. Так же и половая любовь. Повсюду я вижу *переносы*.

19 [224]

Многое в природе влажно: все в природе влажно. Влажность относится к сущности природы: влажность есть сущность природы. Так рассуждает Фалес.

19 [225]

Несправедливость человека по отношению к самому себе и к другим: предпосылка — незнание — необходимо, чтобы существовать (самому и в обществе). В пустоту устремляются обманчивые представления. Сновидения. Традиционные понятия (которые, вопреки природе, владеют немецкими художниками) различны во все времена. Метонимии. Раздражения, не полное знание. Глаз дает фигуры. Мы привержены поверхности. Склонность к прекрасному. Недостаток логики, но метафоры. Религии. Философские учения. *Подражание*.

19 [226]

Подражание есть средство всех культур, благодаря ему рождается постепенно инстинкт. *Всякое сравнение (фразеологизм) есть подражание*. Так образуются *виды*, от того, что первые в сильной степени подражают только подобным экземплярам, т.е. крупнейшему и сильнейшему экземпляру. Воспитание *второй природы*, путем подражания. В порождении поразительнее всего бессознательное воспроизведение, и при этом воспитание второй природы.

Наши чувства подражают природе, все больше становясь слепками с нее.

Подражание предполагает восприятие и затем, в продолжение его — перенос воспринятого образа в форме тысяч метафор, которые все оказывают свое воздействие.

Аналогичное —

19 [227]

Какая сила принуждает к подражанию? Присвоение чужого впечатления посредством метафоры.

— образ и память, связанные метафорой.

Результат: открывается сходство, и в него вносится новая жизнь. В образе, сохраненном памятью, *повторно* отражается раздражение.

Раздражение воспринятое — а затем *повторенное* во множестве метафор, причем родственные образы из разных рубрик сливаются вместе. Каждая перцепция проходит через многократное отражение раздражения, но с переносом на различные области.

Испытанное раздражение,
перенесенное на родственные нервы,
и там, в процессе переноса, повторенное и т.д.

Происходит перевод одного чувственного впечатления в другое: некоторые видят что-либо или чувствуют вкус при определенных звуках. Это – всеобщий феномен.

19 [228]

Подражание является противоположностью *познания* в том, что познание с переносом как раз не связано, оно стремится удержать впечатление, независимо от метафоры и без последствий. С этой целью оно становится окаменелостью: впечатление схватывается в понятии, отграничивается от всего остального, затем умерщвляется, разделяется, мумифицируется и хранится в качестве понятия.

Не существует, однако, никаких «неопосредствованных» выражений и *никакого непосредственного познания вне метафор*. Но иллюзия такового существует, т.е. *вера в истинность* чувственного впечатления. Самые обычные метафоры, узуальные, считаются тогда правдой и служат мерой для более редких. В сущности, это лишь различие между привычным и новым, употреблением частым и редким.

Познание есть лишь работа с особенно полюбившимися метафорами, т.е. воспроизведение, ощущаемое не более чем в качестве подражания. Естественно, что в царство истины оно проникнуть не может.

Пафос стремления к истине предполагает сознание того факта, что различные метафорические миры между собой разнятся и борются, напр. сон, ложь и т.п., и привычное узуальное понимание: одно более редкое, другое – более частое. Значит, узус борется с исключением, регулярное с необычным. Отсюда предпочтение дневной действительности миру снов.

Но редкое и необычное и есть самое *привлекательное* – ложь ощущается как источник чарующего волнения. Поэзия.

19 [229]

В обществе, связанном политическими отношениями, необходим договор, он основан на узуальном употреблении метафор. Любая необычная метафора нарушает,

даже уничтожает его. Значит, употреблять все слова так, как употребляет их масса, — есть политическая конвенция и мораль. Соответствовать *истине* — значит не отклоняться от узуального смысла вещей. Истинное есть то, *что существует*, в противоположность недействительному. Первое условие есть договоренность о том, что считать «существующим».

Но инстинкт правдивости, перенесенный на *природу*, порождает веру в то, что и природа должна быть правдивой по отношению к нам. Инстинкт познания основан на этом переносе.

Под «истинным» понимается первоначально лишь то, что есть привычная узуальная метафора — всего лишь иллюзия, ставшая привычной от частого употребления и потому не воспринимаемая более как иллюзия; забытая метафора, т.е. метафора, применительно к которой забыли, что она именно метафора.

19 [230]

Влечение к истине берет начало в отчетливом понимании того, насколько мир действительности противоположен лжи и какой риск грозит человеческой жизни, если конвенциональная истина не считается безусловной. Моральное убеждение в том, что для существования человеческого общества необходима незыблемая конвенция. Если где-либо должно быть прекращено *состояние войны*, то началом этого процесса должно стать установление истины, т.е. общепринятого и обязывающего *обозначения* вещей.

Лжец употребляет слова так, чтобы нереальное выглядело как реальное, т.е. он пользуется прочностью фундамента.

С другой стороны, имеет место влечение к созданию все новых метафор, оно проявляется у поэтов, актеров и т.д., прежде всего в религии.

Так и философ ищет в области, где господствуют религии, «реальное», *постоянное*, то, что спасет от чувства, что мы окружены вечной игрой мифологической лжи. Он хочет истины, которая *останется* навсегда. Следовательно, он распространяет потребность в прочной конвенциональной истине на новые области.

19 [231]

Древнейший монотеизм верит в *единый* сверкающий небосклон и называет его *dewas*¹. Весьма ограниченно и непластично. Какой прогресс – религии политеистические.

19 [232]

Речевые искусства! В этом причина того, что немцы не могут быть писателями!

19 [233]

Гете умел рассказывать сказки, Гердер был проповедником.

Фауст – единственное явление национального языка в форме *раешного* стиха.

19 [234]

Я хотел бы рассматривать вопрос о ценности познания с хладнокровием ангела, который насквозь видит все мошенничество. Без злобы, но и бездушно.

19 [235]

Все законы природы – только *отношения* некоего *x* к некоему *y* и *z*. Мы определяем законы природы как *отношения* к *хуз*, каждый из которых известен нам опять-таки только в качестве *отношения* к другим *хуз*.

19 [236]

Познание, строго говоря, имеет всего лишь форму тавтологии и является *пустым*. Всякое продвигающее нас вперед познание есть *идентификация неодинакового*, подобного, т.е., в сущности, лишено логики.

Понятие мы получаем только на этом пути, а потом делаем вид, будто понятие «человек» представляет собой нечто фактическое, тогда как оно образовано нами самими посредством исключения всех индивидуальных черт. Мы предполагаем, что природа живет в соответствии с таким понятием: но здесь антропоморфны и природа, и понятие. *Невнимание* к индивидуальному дарит нам понятие, и с это-

---

1 Богом (*санскр.*).

го начинается наше познание: путем *рубрицирования*, установления *родов*. Но сущность вещей этому не соответствует: этот процесс познания не улавливает вещей. Множество отдельных черт определяют для нас вещь, не все: одинаковость этих черт побуждает нас подводить многие вещи под одно понятие.

Мы, как *носители свойств*, создаем сущности и абстракции как причины этих свойств.

То, что какое-то единство, дерево напр., представляется нам как множество свойств, отношений, свидетельствует об антропоморфизме в двояком смысле: во-первых, отграниченное единство «дерево» не существует, так выхватывать одну вещь (опираясь на зрение, на форму) — произвол, всякое отношение не есть истинное и абсолютное, оно опять же окрашено антропоморфизмом.

19 [237]

Философ доискивается не истины, но метаморфозы мира в людях: он ведет сознательную борьбу за понимание. Он ведет борьбу за *ассимиляцию*: он удовлетворен, если ему удастся истолковать что-либо антропоморфно. Подобно тому, как астролог смотрит на мир, подчиняя его потребностям отдельной личности, так и философ смотрит на мир как на человека.

Человек как мера вещей — это также научная мысль. Любой закон природы — это, в конечном счете, сумма антропоморфных отношений. Особенно число: разложение всех законов на множества, выражение их в форме чисел есть *метафора*¹, как если бы кто-то, неспособный слышать, оценивал музыку и звучание, исходя из звуковых фигур Хладни.

19 [238]

Труднее всего развивается чувство *уверенности*. В начале ищут *объяснения*: если гипотеза объясняет *многое*, делают вывод, что она объясняет все.

---

1 Метафора (*греч.*).

19 [239]

Анаксимандр открывает противоречивый характер нашего мира: он погибает от собственных качеств.

19 [240]

Мир есть явление – но не одни *мы* причина того, что он является. Его нереальность обусловлена и с другой стороны.

19 [241]

Наши переживания определяют нашу индивидуальность, а именно таким образом, что каждое впечатление определяет всю нашу индивидуальность до последней клеточки.

19 [242]

Сущность дефиниции: карандаш – это удлиненное тело и т.п. А есть В. То, что имеет удлиненную форму, имеет тут одновременно и цвет. Свойства содержат только отношения.

Определенное тело равняется стольким-то и стольким-то отношениям. Отношения никогда не могут быть сущностью, а только следствием сущности. Синтетическое суждение описывает вещь по ее следствиям, т.е. *сущность и следствие отождествляются*, т.е. *метонимия*.

Итак, в основе синтетических суждений лежит *метонимия*,

т.е. это – *ложное уравнение*.

Таким образом, *синтетические выводы нелогичны*. Предпосылкой их применения служит популярная метафизика, та, которая рассматривает следствия в качестве причин.

Понятие «карандаш» смешивается с «вещью» карандаш. «Есть» в синтетическом суждении – лжет, содержит перенос, рядом друг с другом ставятся две различные сферы, между которыми не может быть равенства.

Мы живем и думаем под властью *нелогичного*, незнания и ложного знания.

19 [243]

Мир неправды:

Сон и явь.

Слабое самосознание.

Короткая память.

Синтетические суждения.

Язык.

Иллюзии и цели.

Лживая точка зрения общества.

Время и пространство.

19 [244]

Откуда берется в мире *пафос истины*?

Ему нужна не истина, а вера, доверие к чему-либо.

19 [245]

Вопрос о *телеологичности философа*, который видит вещи не исторически и не так, как удобно.

Вопрос для него расширится, влечет за собой вопрос о ценности познания.

Описание философа — он нуждается в славе, он думает не о *пользе*, приносимой познанием, но о такой пользе, которая заключена в самом познании.

Если бы он нашел слово, которое, будучи произнесенным, уничтожило бы мир, вы думаете, он бы его не произнес?

Что это означает, что он верит, будто бы человечество нуждается в истине?

19 [246]

Какова ценность познания вообще?

Мир лжи — истина вступает в свои права постепенно — все добродетели родились из пороков.

19 [247]

1. Бежать от образованных и устроенных.

2. Слава и философ.

3. Истина и ее ценность как чистая метафизика.

19 [248]

Основная часть: системы как антропоморфизмы.

Жизнь во лжи.

Пафос истины, внушенный любовью и самосохранением.

Подражание и познание.

Обуздание неограниченного познавательного инстинкта иллюзией.

Против иконической историографии.

Религии.

Искусство.

Невозможное и прогресс.

Размышления злого демона о ценности познания, презрительная насмешка. Астрология.

Трагизм, даже резиньяция, связанные с познанием у Канта.

Культура и наука.

Наука и философия.

Законодательство величия.

Порождение мира в красоте.

Логики.

Результат: возникли без цели, случайно, стремятся к невозможному, моральны и историчны, презирают жизнь. Так же воздействует фантом, почитаемый как истина, и так же считается метафизическим.

19 [249]

Метафорой я называю *равенство*, устанавливаемое по одному элементу *сходства*.

19 [250]

Слава—это вот в чем самообман: никогда никто не испытает чувства творца так, как испытывает его он сам. Следовательно, и оценить его в полной мере никому не дано.

19 [251]

Доверие к открытой *истине* проявляется в стремлении сообщить о ней другим. Передача возможна двоякая: через ее воздействие, что убедит других в ценности са-

мих оснований, или путем доказательства того, что она явилась результатом логического соединения абсолютно надежных и несомненных истин. Такое соединение заключается в правильном подведении специальных случаев под общие положения — чистое рубрицирование.

19 [252]

Произведение искусства относится к природе так же, как математическая окружность к обычному кругу.

19 [253]

Почему мы не хотим обманываться?

Мы хотим этого в искусстве. Мы желали бы себе незнания относительно многого, т.е. желали бы быть обманутыми.

Он не желает обманываться настолько, насколько это необходимо для *жизни*, т.е. он должен заботиться о своем существовании, в области потребностей он хочет быть уверенным, что все надежно, все так, как он видит.

Обман он отвергает только враждебный, который не дает ему радости. Он избегает *быть обманутым*, дурного обмана, иначе говоря, по существу не обмана, а только следствий его, и дурных. Там, где дурные следствия обмана могут обмануть его доверие, там он обман отвергает. Там хочет он правды, т.е. опять же приятных последствий. Истина ценится лишь как средство против враждебного обмана. *Требование истины* означает: не делай людям при помощи обмана ничего дурного. По отношению к *числотой, не имеющей последствий истине* человек *равнодушен*.

Природа ничем его для этого не вооружила. Вера в истину есть вера в определенные воздействия, которые дают счастье. Откуда проистекает вся моральность требования истины? До сих пор все шло по пути эгоизма. Или: когда требование истины становится героическим и для индивида пагубным?

19 [254]

Ищет ли философ истины?

Нет, тогда он больше был бы заинтересован в определенности.

Истина холодна, вера в истину могущественна.

19 [255]

Господство искусства над жизнью — естественное положение.

Культура и религия.

Культура и наука.

Культура и философия.

Космополитический путь культуры.

Романское и греческое понятие искусства.

Борьба Гете и Шиллера.

Портрет «образованного».

Ложное понятие немца.

Музыка как живой зародыш.

19 [256]

На предварительной ступени природы народ представляет собой единство лишь постольку, поскольку обладает общим для всех примитивным искусством.

19 [257]

Благодаря изоляции некоторые цепочки понятий могут становиться столь активными, что они втягивают в себя силу других инстинктов. Таков напр., познавательный инстинкт.

Препарированная таким образом природа, определенная вплоть до клетки, продолжает развиваться и себе наследует: восходя до тех пор, пока, наконец, абсорбция, направленная в эту сторону, ее не разрушит.

19 [258]

Истина оставляет человека равнодушным: на это указывает тавтология как единственно доступная форма истины.

Тогда искать истину означает правильно подводить под рубрики, т.е. правильно подчинять отдельные случаи наличному понятию. Но понятие здесь — наша деятельность, как и прошлое. Подвести весь мир под правильное понятие означает ведь не что иное, как включить отдельные вещи во всеобщие, первоначальные формы отношений, выработанные человечеством: таким образом, понятия лишь *удостоверяют*, что мы снова найдем в них то, что под ними спрятали, — в сущности, это тоже тавтология.

19 [259]

Напасть на:

Собрание филологов.

Страсбургский университет.

Ауэрбах в аугсбургской, национальные памятники.

Фрейтаг, Инго, ученый, техника.

Готшаль.

Молодая Германия.

Лейпцигский университет, Цёллнер.

Театральное расточительство.

Дотации на искусство в рейхстаге.

Гримм, Любке, Юлиан Шмидт.

Юрген Бона-Мейер, Куно Фишер, Лотце.

Риль, Швиндт.

Берлинская профессура.

Ян и Гауптман.

Гервинус.

Ганслик.

Центральная газета.

Музицирование на обочине.

Лейпциг, родной город Вагнера.

Штраус.

19 [260]

Любители резких контрастов не умеют найти бесконечную мелодию; они всегда на исходе и остаются при своих резких акцентах.

19 [261]

Элементы немецкой культуры

ученой

религиозно-освободительной

инстинкт подражания за границе.

19 [262]

Laisser¹ для всех в науке: каждый ученый сам за себя. Дух общей республики ученых негативно возмущен, но не знает воодушевления.

---

¹ Принцип невмешательства (*фр.*).

19 [263]

Смягчение нравов (религия), ученость и наука уживаются с варварством.

Культурный путь немцев осмеливается ныне создавать организацию, трибунал.

19 [264]

Счастье, что музыка не *говорит*, — хотя нынешние музыканты много болтают. Вот почему она пригодна быть зародышем спасения.

19 [265]

В Германии только три сорта людей профессиональные говоруны: магистры, пасторы, няньки.

19 [266]

Образование — не жизненная необходимость, а роскошь.

Искусство — либо традиция, либо нечто физиологическое.

Попытка наших великих поэтов подняться до традиции. Гете и актерство.

Истина природы — патология была слишком сильна. Они не достигли формы.

19 [267]

1. Изобразить одинокие байрейтские надежды в Троицын день. Личная интерпретация Девятой применительно к Вагнеру и символическая надежда, которая его жизнь означает для нашей культуры. Наши величайшие опасения, что мы не созрели для чуда, что его влияние недостаточно глубоко.

2. Вокруг тишина, никто ничего не замечает. Правительства верят в хорошее качество *своего* образования, ученые тоже. Использование влияния войны. Каким образом ее сделали священной? *Глухое недовольство* Вагнером.

3. Единственные, кто поднимает шум, это находящиеся под угрозой представители плохих нынешних учреждений культуры, журналов, эти боятся. *Шумливое недовольство*. Возможно только благодаря опоре на смутно предчувствуемое недовольство.

Предчувствие *гибели* нынешнего образованного класса.

19 [268]

План к 6 докладам.

Искусство и наш праздник Троицы.

Образованный и формы его существования.

Генезис образованного человека.

Романское и эллинское понятие искусства и наши классики.

Музыка, драма и жизнь.

Заревые перспективы. Трибунал по делам высшего воспитания. Наивные феномены поочередно выдвигаются в первый ряд: истинный художник, смысл искусства, глубокая серьезность нового мировоззрения.

19 [269]

Наше удивление на Троицу. Это не был музыкальный праздник. Он выглядел как сон.

Всякий раз, когда Вагнер оскорбляет, он прикасается к глубокой проблеме.

Собрание филологов. Страсбург. Учителя и университеты и их руководство не предчувствовали ничего.

19 [270]

1.2.3. Характеристика представителя образованного общества.

1.2.3. Генезис образованного.

Для них не существует $\delta\delta\varsigma \mu\omicron\iota \pi\omicron\upsilon \sigma\tau\hat{\omega}$ ¹.

Грандиозная схватка Шиллера и Гете.

Они ищут талисман немецкого.

Учеба греков у иностранцев.

Романское и эллинское понятие искусства.

1.2.3. Вагнер осознает музыку как такое $\delta\delta\varsigma \mu\omicron\iota \pi\omicron\upsilon \sigma\tau\hat{\omega}$.

Античное положение о музыке и государстве. Следующий шаг: музыка творит себе драму. Теперь выясняется, что такое словесная драма: ученая, неоригинальная, лживая или грубая. Вагнер. Народная

¹ «Дай мне, где я мог бы встать» (*греч.*).

песня у Гете. Театр марионеток, народный стих, миф. Он первый *создает* немецкое. Следствия, вытекающие из античной трагедии для всех искусств и для жизни. «Образованные» в смущении.

19 [271]

Откуда быть у нас литературе? У нас же нет ораторов. Гете — сказочник, — — —

Господин пастор и кумушка, будучи идеализированы, дают основные типы наших писателей: кормилица, магистр, пастор, юнкер.

19 [272]

Несчастные случаи, приключившиеся с культурой, которая становится немецкой:

Гегель

Гейне

политический жар, подчеркнувший *национальное*.

Военная слава.

Опоры, поддерживающие культуру, которая становится немецкой:

Шопенгауэр — углубление мировоззрения гете-шиллеровской культуры.

19 [273]

Маски мещанской комедии

Коцебу.

«*Старые девы*», сентиментальные:

Риль, Гервинус, Швиндт, Ян, Фрейтаг

много разглагольствуют о невинности и красоте.

«*Юные старики*» (надутые), на поприще историографии:

Ранке, газетчики, Моммзен, Берней

превосходят всё.

Вечные гимназисты:

Гютшаль, Линдау, Гуцков, Лаубе.

Нечестивцы деревенские:

Штраус. Филистерство как раз и есть неблагочестие.

19 [274]

Размышления о байрейтских горизонтах.

1. Троица в Байрейте. Вокруг колоссальное непонимание. Собрание филологов в Лейпциге. Война и Страсбургский университет.
2. Изнеженные.
3. Историки.
4. Ученые.
5. Газетчики.
6. Естественники.
7. 8. Школы. Университеты.
9. Их обращение с искусством
10. Финикийцы в столицах: как *подражатели* этой образованности.
- 11.12. Главный тезис: Не существует *немецкой образованности*, ибо не существует еще *немецкого* художественного стиля. Колоссальные усилия Гёте, Шиллера достичь немецкого стиля. Космополитическая тенденция необходима. Продолжение усилий Реформации.

Вагнеровское *δὸς μοὶ ποῦ στῶ*; немецкая музыка. На ее примере можно понять, в каком отношении немецкая культура будет стоять к другим культурам. Платон о музыке: культура. Она не «исторична», в ней чувствуется жизнь. Она преодолела ученость в глубину и превратила ее в инстинктивную технику. Она возрождает к жизни миф (мейстерзингеры).

19 [275]

Введение.

Характеристика «образованного».

Генезис «образованного».

Образованности еще нет. Описание борьбы, происходившей до сих пор.

Драма (грубияны, их резкие акценты как драматические акценты и ферматы оперы).

У немцев ученость даже в застольных песнях.

19 [276]

«Образование» попыталось устроиться на шиллеровско-гетевском фундаменте как на перине.

19 [277]

1. Фрагмент из Роде.
2. Жалоба героя.
3. С охотой и еще охотнее.
4. Бесконечно!
5. Увядшее.
6. Кивает и клонится.
7. Серенада.
8. Эпилог.
9. Смерть короля.
10. Засмейся хоть разок.
11. Etes titok¹.
12. Марш бури.
13. Из первой предновогодней ночи.
14. Miserege².
15. Благовещение Марии.

19 [278]

Центр, вокруг которого сложилась греческая народность,— это язык.

Центр, вокруг которого сложилась его культура,— это Гомер.

Таким образом, оба раза это были произведения искусства.

19 [279]

А. Доу прославляет Пушмана, П. Линдау—Мора.

Запасы, которые немцы сделали из Гервинуса, поистине лишнего вкуса во всех вопросах, касающихся искусства.

19 [280]

Генрих *Клейст* обращается к нам как драматург и рассказчик так, будто взбирается на высокую гору.

---

1 Мильй секрет (*венгер.*).

1 Помилуй (*лат.*).

Гете о Клейсте: побаивается.

Драматическое искусство воспринимается нашей публикой как пустое фокусничанье: у нее отсутствует эстетическое чувство, вместо него — патология.

19 [281]

Мы можем помыслить себе ученого, верующего, философа вне культуры; в учености заложено противоречие с единством образования, в христианском благочестии противоречие с — — —

19 [282]

Разделенность в философе *интеллектуальных факторов* и *интеллигибельных*.

19 [283]

Факторы современной *культуры*.

1. Историческое, становление.
2. Филистерское, бытие.
3. Ученое.
4. Культура без народа.
5. Нравы существенно иностранные.
6. Неэстетическое (патологическое).
7. Философия без практики.
8. Кастовость, не по образованию.
9. Письмо, не речь.

19 [284]

До сих пор немецкое начало присоединялось к *языку*. Теперь к тому же и *музыка*.

Космополитическая тенденция Шиллера и Гете соответствует *ориенталистской* тенденции.

Немецкое начало должно только еще сформироваться.

Не образование на национальной основе, но *образование немецкого элемента*, не такое образование, *которое на немецкое ориентировано*.

Немецкий элемент должен сформироваться: он еще не существует. И не должен опираться ни на добродетели, ни на пороки.

19 [285]

Факторы немецкого прошлого.

Народное искусство Реформации – Фауст, мейстерзингеры.

Аскетизм и чистая любовь, Рим – Тангейзер.

Верность и рыцарство, Восток – Лоэнгрин.

Метафизика любви – Тристан.

Вот *мир* наших *мифов*, он восходит к Реформации.

Вера в него подобна вере греков в их мифы.

Не *немецкое образование*, но *образование немецкого* – наша первая цель.

На месте исторического – мифообразующая сила.

На месте филистерски-слабого – метафизическое сострадание.

На месте учености – трагическая мудрость.

На месте кастовости – суд образованности.

На месте неэстетически-патологического – свободная игра.

На месте письма – мышление и речь.

На месте догматики – философия.

Преодоление *смешения религий, азиатского* (по суетности и роскоши – финикийского).

Священное значение *языка и музыки*.

19 [286]

Эстетика в Германии.

Лессинг, Винкельман, Гаман, Гердер.

Шиллер, Гете.

Грильпарцер.

Шопенгауэр.

Вагнер.

Фукс.

19 [287]

Сжатое сообщение

о

древнейших греческих философах.

19 [288]

Метаморфозы при переселении душ.

19 [289]

Продолжение Реформации.

Ученость и ученое знание о том, что искусство было.

Открытие народной песни, Шекспир, Гаман, Фауст: инстинктивное, неправильное — неученое.

Простая красота пластики. Строгая необходимость в драме: влияние древних образцов, устранение французских правил.

19 [290]

Экспериментирование, попытки создать драму, литературу: космополитическое подражание.

Полное понимание связи между искусством и жизнью — преодоление понятия литература: Вагнер.

Устранение **побочного музицирования**. Против *монашества* в музыке.

Переход от *учености* к *потребностям искусства*.

Преодоление *романского* понимания искусства: искусство как конвенция, как тезис.

Возврат к *эллиническому* пониманию: искусство как нечто физиологическое.

19 [291]

Эллиническое искусство также долгое время понимали на романский лад, я хочу сказать, так, как поняли его римляне: как *украшение*, которое можно прикрепить к чему угодно, оранжерея, а не лес. Облагороженная конвенция.

19 [292]

Плохая книга *Лотце*, заполненная обсуждением взглядов совершенно неэстетического человека: *Риттера* (почти уже забытого историка философии) или полоумного лейпцигского философа Вейсе.

19 [293]

Римское искусство Плавта, новая аттическая комедия. Крепкая комедия *масок*.

19 [294]

Романтика – частью естественная реакция на ученый космополитизм, частью реакция музыки на холодную пластику, частью расширение космополитического подражания. Слишком мало силы при остром чутье.

Молодая Германия, подобно *Коцебу* по отношению к Гете – Шиллеру, представляет собой неуклюжую подделку французского Просвещения.

19 [295]

Не образование на национальной основе, а образование *немецкого стиля* в жизни, познании, творчестве, языке, походке и т.д.

19 [296]

О немецком образовании.

Посвящается
товарищам по искусству из Байрейта.

19 [297]

Различать народы по их слабостям, добродетелям, а в некоторых цивилизациях по тому и другому вместе.

19 [298]

*О формировании немецкого
художественного стиля.*

Прежде чем таковой появился, к формированию его можно было приблизиться только на путях космополитизма.

Образование есть жизнь народа под управлением искусства. Философия не для народа, религия уживается с варварством, так же и наука.

Исходить из требований культуры после *войны*. 1872 год. Страсбург, никто не способен даже увидеть, насколько смешным было бы утверждение национально-немецкого. Искусство имеет у нас *романское* значение и не в одном случае. Наука уживается с варварством.

19 [299]

Дарование — только предпосылка культуры, главное — строгое натаскивание по образцам.

Образование не обязательно *понятийно*, оно может опираться на *созерцание* и правильный *отбор*: подобно тому, как музыкант находит верные клавиши даже в темноте. *Воспитание* народа с целью подготовки его к *образованию* есть в значительной степени приучение к хорошим образцам и формирование благородных потребностей.

19 [300]

Питающие надежду в современной Германии.
Возможность немецкой культуры.
Надежды на немецкую культуру.
Юбилейный труд.

19 [301]

Питающие надежду.
Размышления о так называемой немецкой культуре современности.

19 [302]

Речи питающего надежду.
Речи питающих надежды.

19 [303]

Байрейтский горизонт.
Горизонт Байрейта.
Размышления на Байрейтском горизонте.

19 [304]

Немец говорит мало. От этого в смущении все драматурги. Истинное — вот метод Вагнера. Кратко, глубоко и символично, как руны. Древнейший оракул — это три аллитерирующие руны.

19 [305]

Мало кому прощается, если народ свой он называет варварским. Но Гете сделал это, и это нуждается в объяснении.

19 [306]

Ни одна культура не строилась за три дня, тем более ни одна не падала с неба. Культура возникает только из первоначального варварства и знает долгие времена борьбы и колебаний, когда она остается сомнительной.

19 [307]

Образованным называем мы того, кто стал каким-то образованием, приобрел форму: противоположностью формы является здесь неоформленно-бесформенное, лишенное *единства*.

19 [308]

От чего зависит *единство народа*? Внешне — от правительства, внутренне — от языка и обычаев. Однако обычаи становятся общими очень неспешно, и многое тут зависит от общежития, иммиграции.

19 [309]

Гете: «мы, правда, многое “культивировали”».

19 [310]

Культура — господство *искусства* над *жизнью*. Степень ее доброкачественности зависит, с одной стороны, от *степени этого господства*, с другой — от *ценности искусства*.

19 [311]

Смягчение нравов благодаря религиям, законам и т.д.
Рост знания и тем самым уменьшение суеверий, мрака, фанатизма, больше вдумчивости и покоя.

Изобретения, рост благосостояния, общение с другими народами.

При этом религия и варварство.

Изобретательность интеллекта уживается с варварством. Даже народ, обладающий искусством, все еще можно назвать варварским.

Господство искусства над жизнью.

19 [312]

Когда среди смуты последней большой войны один обозленный французский ученый назвал немцев варвара-

ми и обвинил их в отсутствии культуры, в Германии это слышали достаточно хорошо, чтобы глубоко обидеться, и многие газетчики воспользовались возможностью до блеска начистить не лишённые пятен доспехи своей культуры и гордо выставить напоказ в ожидании верной победы. Уверения в том, что немецкий народ самый талантливый, ученый, добродушный, добродетельный и чистый сердцем, лились неистощимым потоком. Даже на обвинение в каннибализме и морском пиратстве готов был убедительный ответ. И когда вскоре раздался голос по ту сторону канала и достопочтенный Карлейль публично пропел хвалу именно этим качествам немецкого народа, провозгласив за это его достойным победы, немецкая культура окончательно уверилась в своей непогрешимости; после военного успеха слова о торжестве немецкой культуры звучали вполне невинно. Сегодня, когда прошло достаточно времени, чтобы еще раз внимательнее прислушаться к упрекам, брошенным тогда в адрес немцев, несомненно, найдутся и такие, кто признает, что француз был прав: немцы — варвары, несмотря на все их упомянутые гуманные качества. Если им, этим варварам, стоило все же желать победы, то не потому, конечно, что они варвары, но потому, что будущее немцев внушает святую надежду на становящуюся культуру, тогда как у культуры выродившейся и истощенной будущего нет. Священной закон признает жизнь не той матери, которая не сумела противостоять вырождению своего ребенка, а той, которая должна родить. Что в остальном немцы еще варвары, признавал Гете, который был достаточно стар, чтобы позволить себе высказать в глаза немцам и эту истину, к которой позволяю себе присоединиться и я, ибо никто другой мне этого бы не позволил. У нас, сказал он как-то вечером Эккерману — — —

Последнее выражение отличается большой тонкостью, ибо дает почитателям современности возможность думать, что через несколько столетий скажут, будто прошло уже очень много времени с тех пор, как немцы перестали быть варварами, а именно они перестали быть ими со второй половины XIX столетия. Что это не случайное предположение, что большие массы действительно верят

сегодня в то, что немцы достигли культуры, но верят, не имея на то права,—это я хотел бы доказать одним примером. Но прежде следует определить понятие культуры. Гете добавляет—о песне. Целые горы военных песен и сонетов, из которых не одна сложена была в новом тоне— —

19 [313]

Слова «варвар» и «варварство» — злые, отчаянные слова, и я не решаюсь употреблять их просто так, без предисловий: и если верно, что греки говорили о звуках речи чужих народов как о кваканье и потому называли тем же словом лягушек, то, значит, варвары — это кваквы, издающие бессмысленную и некрасивую трескотню. Отсутствие *эстетического воспитания*.

19 [314]

Француз, разумеется, думал о своей на всей Земле торжествующей цивилизации и о том слабом подражании ей, которое он разглядел в немецком обществе: он отказал немцам в культуре, поскольку они культуры не создали и не сумели даже искусно подражать той, которая уже была в наличии, как то следует, напр., признать за русскими.

И потому-то так опасна была война — она грозила погубить тайно зреющий плод.

Военная слава — опасность едва ли не бóльшая.

19 [315]

Введение.

Мудрость. Наука.

Предварительная ступень мифологии.

Эпоха спорадических изречений.

Предварительные ступени *σοφὸς ἀνὴρ*¹.

Фалес.

Анаксимандр.

Анаксимен.

Пифагор.

Гераклит.

Ксенофан.

---

1 Мудреца (*греч.*).

Парменид.
 Анаксагор.
 Эмпедокл.
 Демокрит.
 Пифагорейцы.
 Сократ.

Sehr einfach

19 [316]

*Оправдание философии
 греками*

Юбилейное сочинение
 Фридриха Ницше

19 [317]

Размышления питающего надежду.

19 [318]

Последний философ

1. Перенос человеческого на природу.
  2. Греческое как мировое начало.
  3. Гераклит против дионисийства.
- Эмпедокл против жертвоприношения животных.
 Орденский устав пифагорейцев.
 Демокрит, ученый-путешественник.

19 [319]

Первоначальное назначение философии утрачено.
 Против иконической историографии.
 Философия, вне культуры, и наука.
 Изменившееся положение философии со времен

Канта.

Метафизика невозможна. Самооскопление.

Трагическая резиньяция, конец философии.
 Спасти нас может только искусство.

19 [320]

1. Остальные философы.
2. Истина и иллюзия.

3. Иллюзия и культура.
4. Последний философ.

19 [321]

Метод, каким философ доходит до последних вещей, — рубрикация.

Нелогический инстинкт.

Правдивость метафоры.

Задача греческой философии: обуздание.

Варваризирующее воздействие познания.

Жизнь в иллюзии.

Философия со времен Канта мертва.

Шопенгауэр — упрощает, устраняет схоластику.

Наука и культура. Противоположности.

Задача искусства.

Путь есть воспитание.

Философия должна вызывать трагическую потребность.

19 [322]

Философия Нового времени, ненаивна, схоластична, перегружена формулами.

Шопенгауэр упрощает.

Мы более не допускаем понятийную поэзию. Только в произведении искусства.

Противоядие от науки? Где?

Культура как противоядие. Чувствительность к ней предполагает знание о неудовлетворительности науки. Трагическая резиньяция. Бог знает, что это будет за культура! Она начинается с конца!

19 [323]

Январь 13 недель: 3. История ритмики.

Февраль 4. Горациева метрика

Март по Августину и т.д.

Язык с метрической точки зрения.

5. Гекзаметр.

6. Триметр.
7. Логаэдические стихи.
8. Дорическая строфа.
9. Композиция и т.д.

19 [324]

Классическая филология.
Гесиод и Гомер.
Ритмика.

19 [325]

Древние мастера философии
в Греции.

Записано для молодого друга философии
— — —

19 [326]

Наброски

1. Гесиод.
2. Греческая ритмика, отмеряющая время.
3. Греческая трагедия.

19 [327]

Пять предисловий к пяти ненаписанным
и ненаписуемым книгам.

1. О будущем наших образовательных учреждений.
2. Отношение философии Шопенгауэра к немецкой культуре.
3. О пафосе истины.
4. Греческое государство.
5. Состязание Гомера и Гесиода.

19 [328]

Познание истины невозможно.
Искусство и философ.
Пафос истины.
Как относится философия
к культуре: Шопенгауэр.

} Всякое
познание
на службе
у искусства.

Единство культуры.	}
Описание нынешней растерянности.	
Драма как исходная точка.	

19 [329]

Первая ступень культуры: вера в язык как сквозное метафорическое обозначение.

Вторая ступень культуры: единство и связь метафорического мира, устанавливаемая посредством обращения к Гомеру.

19 [330]

- 1) образованный филистер.
- 2) болезнь историзма.
- 3) избыток чтения и письма.
- 4) литературные музыканты (как приверженцы гения убивают его влияние).
- 5) немецкий и кухонный немецкий.
- 6) культура солдатчины.
- 7) *всеобщее* образование — социализм и т.д.
- 8) теология образованных.
- 9) гимназии и университеты.
- 10) философия и культура.
- 11) естествознание.
- 12) поэт и т.д.
- 13) классическая филология.

Набросок «Несвоевременных размышлений».

Базель, 2 сентября 1873 г.

20. Лето 1872

20 [1]

Первый, предварительный набросок

«Гомеровского соревнования»

Начат 21 июля 1872 г.

20 [2]

К эпилогу.

Медлительный рассудок, внезапное и бурное чувство.

Сравнение с Одиссеем у Ричля.

Все время вносить порядок в разбросанное.

Бог в грозе.

Иисус в храме.

Трудолюбивый бюргер пророчествует.

Я не умел притворяться, только скрывать себя.

Я молчу, другие насмешничают и т.д.

21. Лето 1872 – начало 1873

21 [1]

Осень: К «Хоэфорам» Эсхила.

О хронологии философов-досократиков.

Зима: Будущность наших образовательных учреждений.

21 [2]

«Хоэфоры».

Размышления о художественном стиле Эсхила.

Фальшивое воодушевление и трудность создания подлинного впечатления.

1. Пластический рисунок. Выводить из отдаленности зрителей: мало движения. Перспектива. Маски. Строгая иератическая симметрия. Сценография. Стихотворная метрика. Предвосхищение стиля Фидия. Откуда долгая жизнь пластики?
2. Музыкальность. Музыка речи. Все — музыка, нет разделения на речевые и неречевые партии, все поется. Орchestra тоже никогда не перестает звучать.
3. Мифическое. Сравнить с Софоклом. Дробление мифа. Симметрия, с контрастами. Жуткое, с использованием послеполуденной тени. Строгость мифа в согласии с пластикой и музыкой.
4. Искусство слова. Диалекты. «Высокий стиль». Синтаксис в соответствии с ἦθος¹ сцены. 954.

Я — — —

21 [3]

Пластическое. Перед глазами Эсхила не аффектированные образы бурных страстей, как у Шекспира, а покоящиеся в себе скульптурные группы.

---

¹ Здесь: характером (*греч.*).

Движение строго симметрично. Количество стихов.

21 [4]

Quod felix faustum fortunatumque vertat!¹

21 [5]

Введение. *Воспитательное значение музыки у греков.*

Мудрость трагической эпохи.

Состязание Эмпедокла.

Любовь и воспитание. Сократ.

Воспитание музыкой. Пифагор.

Искусство и жизнь. Гераклит.

Дерзания. Элеаты.

21 [6]

Философия трагической эпохи.

Греки тогда философствовали! Восхитительно!

Как нам вжиться в ту эпоху? В поразительные ее прозрения? *Пережить* их как нечто действительно *живое* и есть культура.

«Системы» пожирают друг друга: но *единое* остается.

Каждый из этих философов однажды увидел, как рождается мир!

Мне нужна историческая живопись, а не коллекция древностей.

21 [7]

Рождение трагедии.

Байрейтские размышления о пространстве.

Античный ритм.

Философы-доплатоники.

Школы.

21 [8]

Конъектуры и пояснения.

Мифическое.

---

¹ В добрый час! (лат.).

Пластическое.
Музыкальное.
Ритмическое.

21 [9]

Все рождается из единого. Преходящность—это кара.
Исчезновение и возникновение закономерны.
Исчезновение и возникновение—иллюзия: есть
единое.

Все качества вечны. Становления не существует.
Все количественное есть качественное.
Все воздействия—магические.
Все воздействия—механические.
Прочны только понятия, больше ничего.

21 [10]

Познание само по себе безрадостно, как безрадостно
созерцание. Каким образом приходит оно в мир?

21 [11]

У Сократа все фальшиво—понятия лишены опреде-
ленности, к тому же
не важны,
знание не есть источник
истины и вообще бес-
плодно,
культура—культура отри-
цания.

21 [12]

Найти что-нибудь потерянное—это удовольствие
прежде всего для того, кто это потерял, а вот найти что-ни-
будь, что никто не терял, но никто и не имел, т.е. сделать
открытие—редкое наслаждение для первооткрывателя.

21 [13]

Вера опирается на множество умозаключений, сде-
ланных по аналогии: не поддаваться обману!

Если человек перестает познавать, он начинает ве-
рить. Он вкладывает свое нравственное чувство и надеет-

ся получить соответствующее вознаграждение: собака смотрит на нас доверчивым взглядом и хочет, чтобы мы ей доверяли. Познание имеет меньшее значение для счастья, чем вера. Даже у того, кто открывает истину, напр. в математике, радость проистекает из возможности безусловного доверия: на это он может положиться. Когда имеешь веру, без истины можно обойтись.

21 [14]

Что это такое, благодаря чему могущественные инстинкты оборачиваются во благо? В общем и целом это *любовь*. *Любовь к родному городу* смягчает и укрощает инстинкт соперничества.

Любовь к ближнему преодолевает его во имя воспитания. Любви служит красота: нарастающее просветление, как изображает его Платон.

Зачинать в красоте— очень по-эллински.

Показать, как *эрос* набирает силу: брак, семья. Государство.

21 [15]

Эмпедокл. Любовь и ненависть в Греции.

Гераклит. Космодицея искусства.

Демокрит и пифагорейцы. Естествознание и метафизика.

Сократ и Платон. Знание и инстинкт.

Анаксагор. Просвещение и восторг.

Элеаты: логика как мера вещей. Становление бытия, данное строго логически и преодолевающее учение об атомах.

Пифагор. Воля в аскетических ее устремлениях.

Воля убивающая (в природе — как состязание слабых и сильных).

21 [16]

*Философы трагической эпохи
раскрывают, как смысл трагедии,
смысл мира.*

Единство воли.

Интеллект — только средство для более высоких наслаждений. Отрицание воли часто ведет лишь к возрождению могучих народных сообществ.

Искусство на службе у воли: Гераклит.

Любовь и ненависть у греков: Эмпедокл.

Границы логики: она на службе у воли: элеаты.

Аскетическое и убивающее на службе у воли: Пифагор.

Царство познания: число: учение об атомах и пифагорейцы. Просвещение, борьба с инстинктом: Анаксагор, Сократ, Платон.

Дать характеристику воли: какими методами доходит она до разумного. Сущность материи — абсолютная логика. Время, пространство и причинность как условия *воздействия*.

Остаются силы: в каждом мельчайшем отрезке времени другие силы, в бесконечно малом отрезке всякий раз новая сила, т.е. силы вообще не являются чем-то *действительным*.

По существу нет никакого *воздействия* одной силы на другую: в действительности существуют только видимость, образы. Вся материя — только внешняя сторона: на самом деле живет и действует нечто совсем другое. Но наши органы чувств — *продукт материи и вещей*, так же и *наш дух*. Я хочу сказать: следует, исходя из *естествознания*, перейти к *вещи в себе*.

В остатке воля — если вычесть познающий интеллект.

21 [17]

Возможно, что ощущение может быть составлено из материальных элементов: если только сначала будет доказана материальность органического вещества.

Даже наипростейшее ощущение — вещь бесконечно сложная, никакой не первофеномен. Тут и деятельность мозга, и память, и т.д., наряду с разного рода рефлексиями.

Если бы мы были в силах создать чувствующее существо из материи, не означало бы это, что снят покров с одной половины природы?

Аппарат познания бесконечно сложен. Предпосылка ощущения: познание необходимо для того, чтобы пред-

положить существование любого вида материи. Но вера в зримую материю — это чистый обман чувств.

21 [18]

О том, что природа во всех владениях своих *правит одинаково*: закон, который верен для человека, верен и для всей природы. Человек — действительно микрокосм.

Мозг — высшее достижение природы.

21 [19]

Введение: Великие моменты бессмертны.

Греки трагической эпохи как философы.

Как чувствовали они бытие?

В этом их *вечное* значение. В остальном все системы пожирают друг друга. Историческая живопись.

Мы находимся в состоянии метастазов элементов лирики и эпоса, все реквизиты трагедии.

Как можно жить без религии, с философией? Правда, в эпоху трагического искусства.

Фалес. Противоположность сократиков и досократиков. У последних отношение к жизни — *наивное*. Семеро мудрецов как представители славных этических добродетелей. Свобода от мифа.

Греческий человек трагической эпохи мыслит именно самого себя и снимает показания. Как это важно! Ибо при оценке греческой трагедии мы всегда должны примысливать греков.

21 [20]

Эстетический инстинкт под маской *философии*.

21 [21]

Всехудожник и всечеловек.

Люди трагической эпохи.

Эсхил как создатель синкретического искусства: в его мастерской изображение его *слушателей*.

Мы хотим знать греков такими, какими Эсхил знал их в качестве своих слушателей. На этот раз мы воспользуемся его философом, который *мыслил* в те времена.

21 [22]

На примере Фалеса развить мысль о свободе от мифа.

Через Анаксимандра – трагизм возмездия.

Через Гераклита – агон. Игра.

Через Парменида – дерзость необходимости и логики.

Через Анаксагора – недуховное, материя.

Через Эмпедокла – любовь и поцелуй всему миру.

Через Эмпедокла – вслушивание греков в иностранное (и подражание хорошему).

Через Пифагора – ритм, переселение душ.

21 [23]

Сократ с его абстрактной человечностью выдвигает на первый план благо индивида, познание как цель жизни. Уничтожение инстинктов.

21 [24]

Вначале Эсхил, представленный как пятиборец, затем его слушатель, через различные типы философов.

21 [25]

Размышления о празднике посвящения в Байрейте, май 1872.

Настроение веселое и героическое.

Мы – счастливы, под нами твердая земля, мы лучше всех понимаем хорошую музыку и наших великих поэтов.

Альпийские долины с зобами гор – это больные.

Надежда на пластику.

Героическое у Вагнера.

Императорские послы. Образование.

Ложный «германский дух».

Глубокая проблема повсюду там, где вначале царит непонимание.

Мифическое.

Поэзия

с точки зрения языка,

с точки зрения сцены.

Музыка речи.

Здоровое и «нездоровое».

Примечания

Текстологические знаки

— означает одно нечитаемое слово,

-- два нечитаемых слова,

--- незаконченное предложение,

[...] пропуск в рукописи.

Слова, подчеркнутые Ницше одной чертой, переданы курсивным шрифтом, подчеркнутые двумя или более чем двумя чертами, — полужирным.

Примечания Д. Колли и М. Монтинари, в которых в основном даются ссылки на другие работы Ницше и указываются цитируемые им источники, дополнены примечаниями словарно-культурологического характера, подготовленными А.А. Карельским.

Переводы иноязычных (в основном латинских и греческих) выражений и цитат на предшествующих страниц выполнены А.Г. Жаворонковым и А.А. Карельским.

Список сокращений, принятых в примечаниях

РТ — «Рождение трагедии».

ДШ — «Давид Штраус в качестве исповедника и писателя».

ПВИ — «О пользе и вреде истории для жизни».

ШКВ — Шопенгауэр как воспитатель».

19. Весна 1872 — начало 1873

Из тетради Р I 20

- 19 [1] Материал к сочинению о «Философе», или о греческих философах до Платона; предполагаемые заглавия этого сочинения свидетельствуют о развитии и разнообразии дополняющих друг друга позиций, с которых Ницше собирался рассматривать понятие «философ»: 19 [13], 19 [36], 19 [85], 19 [98], 19 [131]. Темы настоящих фрагментов: истина и ее ценность, борьба искусства и познания, цена лжи и историческое развитие греческой философии легли в основу работы Ницше «Философия в трагическую эпоху Греции» и статьи «Об истине и лжи во внеморальном смысле». Фрагменты, записанные Ницше в этой тетради, носят подчеркнуто единый характер.
- 19 [4] Ницше предполагал посвятить свою работу Шопенгауэру.
- 19 [18] *νοῦς* — в древнегреческой философии начало сознания и самосознания в космосе и человеке, принцип интуитивного знания. Анаксагор поставил ум у истоков возникновения мира.
- 19 [58] *Филологи нашего времени оказались недостойны того, чтобы иметь право зачислить мою книгу по своему ведомству...* — т.е. «Рождение трагедии из духа музыки».
- 19 [59] *Διαδοχαί...* — см. прим. к 2 [30].
- 19 [68] Ср. 19 [138].
- 19 [79] *...соотнесены как звуковые фигуры Хладни с самим звуком...* — Хладни Эрнст Флоренс Фридрих (1756–1827) — немецкий физик, основатель экспериментальной акустики. Фигуры Хладни — фигуры, образуемые скоплением мелких частиц сухого песка вблизи узловых линий на поверхности колеблющейся под воздействием звуковых волн пластинки.
- 19 [96] *В Греции философия пошла от великого математика* — т.е. от Фалеса.
При всем его антимифическом образе мыслей в Дельфах он считался «мудрецом» — Фалес считался одним из «семи мудрецов» (см. прим. к 8 [5]).

- 19 [116] *ποῦς* — см. прим. к 19 [18].
- 19 [138] Ср. 19 [68].
veracité du dieu — согласно утверждению Декарта в «Первоначалах философии», «первейший из атрибутов Бога — его высочайшая правдивость», неспособность ко лжи.
- 19 [140] *Отношение приблизительно такое, как между звуковыми фигурами Хладни и колебаниями* — см. прим. к 19 [79].
- 19 [180] См. прим. к 19 [1].
- 19 [188] Ср. 19 [214]; 19 [287]; 19 [325].
- 19 [197] *Поведение Сократа во время процесса военачальников весьма удивительно...* — имеется в виду следующий эпизод: в 406 г. Сократ входил в афинский Совет Пятисот и в качестве главы его дежурной части — эпистата пританов — председательствовал в афинском народном собрании, когда там разбиралось дело стратегов — победителей при Аргинусских островах. В качестве председателя он проявил замечательную принципиальность и стойкость и воспротивился требованиям некоторых политиков и народной массы, требовавших немедленного осуждения и казни всех стратегов. Хотя благородное и мужественное поведение Сократа не смогло предотвратить позорной для афинян расправы над их же собственными военачальниками.
- 19 [201] *...коммерческий успех, выпавший на долю романа Фрейтага* — цикл романов (6 томов) немецкого историка культуры и писателя Густава Фрейтага (1816–1895) «Предки» (*Die Ahnen*. Первый том вышел в 1872).
- 19 [224] *Влажность относится к сущности природы: влажность есть сущность природы. Так рассуждает Фалес* — согласно Фалесу, вода — это основное, или исходное, начало всего, и земля плавает в воде.
- 19 [259] *Фрейтаг, Инго* — Инго — герой романа Густава Фрейтага «Предки» (см. прим. к 19 [201]).
Ауэрбах, в женщине из Аугсбурга — видимо, Ницше имеет в виду крепость Линденфельс в долине Рейна. В крепости Линденфельс в свое время была заключена «прекрасная дама из Аугсбурга» Клара Детт.

Ауэрбах — резиденция фогта, находившаяся, как и крепость Линденфельс, на земле, принадлежавшей бенедиктинскому монастырю Лорш. Со второй половины XVIII века оба этих памятника лежат в руинах.

19 [270] *ὁὸς μοὶ ποὺ στῶ* — начало приписываемого Архимеду изречения, оканчивающегося словами: «...и я сдвину землю».

19 [277] *Etes titok* — название музыкального произведения Ницше.

Miserere — *Miserere, mei Deus* (Помилуй меня, Боже — *лат.*). Католическая молитва, представляющая собой текст 50-го псалма.

19 [294] ...*подобно Коцебу по отношению к Гете-Шиллеру*... — Коцебу Август Фридрих Фердинанд (1761–1819) — немецкий писатель и драматург, выступал против Гёте и Шиллера, просветителей и Французской революции, опошля просветительские идеи. Был убит прогрессивно настроенным студентом К. Зандом.

21. Лето 1872 — начало 1873

Из тетради U I 4b

- 21 [1] Перечень публикаций, запланированных на осень 1872 года и зиму 1872–1873 годов.
- 21 [4] *Quod felix faustum fortunatumque vertat!*— В буквальном переводе: «Пусть это окажется успешным, благоприятным и удачным!»
- 21 [7] См. прим. к 21 [1].
- 21 [8] См. прим. к 8 [50].